

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 97, октябрь 2022

REALPOLITIK ДЛЯ СМЕНЫ ЭПОХИ

Германия обсуждает условия *Zeitenwende*, смены эпохи, открывшейся украинской войной. Это обсуждение обнажает пределы политической культуры, которая, пожалуй, чрезмерно полагалась на либеральный мультилатерализм и лишь на экономическую силу в международных отношениях.

К этому вопросу нужно подходить осторожно, как и к любому рассуждению, затрагивающему тонкую материю морального фактора державы, её национального характера или политической культуры.

Прежде всего, существует разница между политической теорией и политической культурой, которые могут находиться в диалектических и противоречивых отношениях друг с другом. С точки зрения Маркса и Энгельса, анализирувавших немецкую идеологию, немецкое теоретическое превосходство является результатом политического бессилия Германии, а также мелкобуржуазного филистерства, которым пропитано её социальное существование; именно удуше немецкого мира толкает, с одной стороны, к теоретической абстракции, а с другой – к политическому “мечтанью” о Франции.

Во-вторых, моральный фактор и политическая культура являются историческим продуктом и, следовательно, результатом исторического процесса; они аккумулируют вековое наследие, и именно поэтому несут отпечаток великих событий прошлого, кризисов, войн, политических катастроф. В своём объединении и становлении как державы во второй половине XIX века, а затем на этапе империалистической зрелости в XX веке, Германия на самом высоком уровне сформулировала течения и теории, вдохновлённые политическим реализмом, ролью государственной власти и концепцией международной политики как отношений между державами. Мы часто вспоминаем оценку Арриго Черветто, который связывал развитие в Германии течений, опирающихся на примат политики, а следовательно, на идею политической силы, с отставанием этой страны от капиталистического развития Англии, в которой не случайно преобладали идеи примата экономики.

Леопольд фон Ранке был основоположником теории примата внешней политики в свете «государственных интересов»; Генрих фон Трейчке

укрепил её в апологии прусской военной монархии. А Фридрих Мейнеке уже после поражения Германии в первой мировой войне призывал задуматься о «границах государственных интересов». Контекст – угнетающие условия Версальского мира и претензии Франции на Рейнскую область. Мейнеке писал, что следовало учитывать «уступки суверенитета» в пользу Лиги Наций; существовал риск «мировой гегемонии англосаксонских держав», но это было предпочтительнее, «чем бич французской континентальной гегемонии». После второй мировой войны Людвиг Дехийо пошёл дальше, совершив настоящее концептуальное и даже религиозное перерождение. Дехийо обратил внимание на саморазрушение Европы и её системы континентальных государств перед лицом становления англо-американского превосходства; «старая европейская тенденция к дроблению», писал он в работе “Равновесие или гегемония”, «теперь оттесняется новой мировой тенденцией к объединению».

Ганс Моргентау нашёл в США убежище от антиеврейских преследований и взялся за отчаянную задачу внедрения политического реализма в политическую культуру американской исключительности; Генри Киссинджер отчасти является потомком этой линии. Карл Шмитт, поставивший свою юридическую науку на службу Третьему рейху, оказался в изгнании на родине, вычеркнутый из официальной немецкой послевоенной дискуссии.

Историк Михаэль Штюмер был советником Гельмута Коля; его труд “Границы власти”, написанный в 1992 году, остаётся настольной книгой для исследования немецкой политической культуры в её исторических трансформациях. По мнению Штюмера, из-за геополитического положения Германии и в силу своей истории немцы не имеют сбалансированных отношений с политической властью. Оставшаяся раздробленной ещё столетия после Тридцатилетней войны и Вестфальского мира и, следовательно, отстающая нация, Германия после объединения и политики баланса Отто фон Бисмарка встала на позицию государственных интересов, для защиты которых не существовало никаких ограничений, вплоть до катастрофы двух мировых войн и бездны нацизма. Глубина катастрофы 1945 года была такова, что

Realpolitik стала табу; как будто маятник качнулся до крайности в противоположную сторону, от державы, которая не могла остановиться на своих границах, до отказа признать себя державой: немецкий моральный фактор нашёл убежище в экономическом успехе и патриотизме марки.

Дело в том, что в послевоенные десятилетия Федеративная Республика Германия не имела, по мнению Лотара Рюля, «ни суверенной политики, ни подлинно национальной политики, ни международной политики с широкими границами автономии». Во внешнеполитической деятельности немецкий опыт был «ограниченным, скомпрометированным и небезопасным».

По мнению Штюмера, воссоединение и стратегический разрыв 1989–1992 годов дали немцам «второй шанс», но также вновь поставили Германию перед дилеммой власти. Германия могла восстановить свой суверенитет только путём интеграции в Европу и удержания её в двойных отношениях *Westbindung*, западной связи с США и Францией. «Германскими государственными интересами» являлась сама Германия, которая была бы способна действовать в той мере, в какой она оставалась бы «способной к созданию союзов».

(продолжение на стр. 2).

Сентябрь 2022 г.

Содержание

REALPOLITIK ДЛЯ СМЕНЫ ЭПОХИ	стр. 1
<i>Zeitenwende</i> под давлением Атлантики	стр. 2
Газовая война России и ЕС	стр. 3
<i>Европейские хроники</i>	
Шольц сопротивляется силе “полонизации” в Праге	стр. 4
<i>Редакционная новинка</i>	
Россия в украинских войнах	стр. 5
<i>Российские хроники</i>	
Идти до конца, стоя на краю пропасти	стр. 6
Тысяча ракет на тысячу километров в планах Токио	стр. 7
<i>Крупные группы США в 2021 году</i>	
Американское восстановление уже омрачено войной, инфляцией и повышением ставок	стр. 8-9
<i>Страницы истории рабочего движения</i>	
Лассаль и государство	стр. 10
Нордистское приспособленчество в евронациональной оферте	стр. 11
<i>Гиганты Азии: дилеммы плюрализма в китайской однопартийности</i>	
Исследование политических форм китайского плюрализма	стр. 12
<i>Хроники Шёлкового пути</i>	
Пекин дистанцируется от Москвы	стр. 13
Индия присоединяется к IPEF, но с оговорками	стр. 14
<i>Мировое сражение в автопроме</i>	
Конкурирующие стратегии в электрическом будущем	стр. 15
Атомные станции и газопроводы	стр. 16
Суть момента	стр. 16

Атом и индустриализация науки

Синтетический каучук в военной экономике США	стр. I
“Война физиков” за первые атомные бомбы	стр. II
Сети учёных у истоков атомной бомбы	стр. III
Предвкусение атомного оружия и электростанций во Франции	стр. IV

Zeitenwende под давлением Атлантики

(начало на 1-й странице)

Если, с одной стороны, мы считаем, что текст Михаэля Штюрмера отлично задаёт контур для оценки политико-стратегического дефицита послевоенной Германии, то с другой – мы не принимаем абсолютизацию этого суждения, не в последнюю очередь из-за его оперативной связи с канцлерством Гельмута Коля. Например, нельзя считать Конрада Аденауэра и тем более Гельмута Шмидта неполноценными в области стратегического мышления; верно то, что они теоретизировали и практиковали внешнюю политику *низкого профиля*, которая была даже *сокрытием* силы Германии. Тот же Коль после падения Берлинской стены мастерски сыграл свою собственную игру *вторым номером* в стратегическом прорыве 1989 года.

В дополнение к тезисам Штюрмера мы использовали дебаты о константах немецкой *стратегической культуры* именно в решающий момент окончания Ялтинского раздела и воссоединения Германии. Арриго Черветто высоко оценивал тезис Йозефа Йоффе о том, что Германия была способна обладать весом в международных отношениях без активного участия в принятии политических решений, действуя именно вторым номером, заставляя считаться со своей экономической силой. Аналогичной концепции, но расширенной на Европу, придерживался Шмидт, который в книге *“Nachbar China”* пояснял, что ЕС может использовать свою экономическую мощь для пассивного сопротивления США (как это было сделано в 2003 году), предотвращая “холодную войну” с Китаем.

Британец Ханс Кунднани в своей книге 2014 года *“The Paradox of German Power”* изложил полемическую версию этого подхода: германская линия, по его мнению, была *«новым реализмом»*, основанным на экономических интересах, безразличии к либеральным ценностям, достаточно обратить внимание на отношения с Россией и Китаем. На почве *«геоэкономики»* заново ставились условия *«германского вопроса»*: Германия должна была стать слишком сильной, чтобы её силу могли сбалансировать, но недостаточно сильной, чтобы быть гегемоном и вернуться к национальному соблазну в ущерб западной связи. Другими словами, речь шла о Германии, вернувшейся к состоянию *«полугегемонии»*, согласно формуле Людвига Дехийо, но в форме экономического превосходства.

Отметим, что вопрос заключается не в том, что рычаг экономической силы не позволяет стратегически осуществлять власть, а в том, что одной этой стороны отношений уже недостаточно. Сегодня именно такие сильные стороны немецкой позиции, как энергетическая связь с Москвой и промышленная и торговая взаимозависимость с Пекином, подвергаются сомнению как факторы уязвимости. Именно этот вопрос был поднят доктриной Меркель, когда бывший канцлер подчёркивала многосторонний характер Европейского союза. Не превратило ли это ЕС в конструкцию, пригодную только для *хорошей погоды* в глобальных отношениях и, следовательно,

непригодную для бурь новой стратегической фазы? Ответ кроется в бедственном положении Парижа и Берлина перед лицом разрастания кризиса на Украине, сопровождающегося разбалансировкой союза, вызванной позициями Польши и стран Балтии, где обязательным решением кажется присоединение к Атлантическому *моменту* и использование его импульса в европейском *перевооружении*.

При этом частью немецких дебатов является тезис о задержке в плане стратегической культуры, критика того, что международные отношения воспринимались в экономистских терминах и были несбалансированны в сторону мультилатерализма. Даже если сомнительно, что рефлексия в Германии может остановиться на самообвинении либеральной *«наивности»* (своего рода варианта американистских иллюзий 1990-х годов о *«конце истории»*), некоторые более структурированные тезисы, предшествующие украинской войне, остаются пока на периферии официальных дебатов, в которых доминирует атлантистское выравнивание. Однако они заслуживают рассмотрения, поскольку раскрывают немецкие дилеммы, всегда присутствующие на заднем плане.

Клаус фон Донаньи – ветеран Социал-демократической партии, заместитель министра экономики и участник переговоров конца 1960-х годов по первому газопроводу с СССР и соглашению Airbus с Францией, министр образования в начале 1970-х годов, заместитель министра иностранных дел с 1976 по 1981 год, а затем мэр Гамбурга, тесно связан с Вилли Брандтом и Эгоном Баром, склонными скорее к евронациональному нейтралитету, чем к евроатлантизму Шмидта. Книга фон Донаньи *“Nationale Interessen”*, долгое время входившая в число самых продаваемых эссе в Германии, вышла накануне войны, и в этом, как ни парадоксально, кроется её дополнительная ценность, поскольку расхождение с Соединёнными Штатами по поводу отношений с Китаем и Россией аргументируется без умолчаний.

По мнению фон Донаньи, Китай стал более важным для США, чем Россия и Европа; Пекин находится на грани того, чтобы стать самым важным торговым партнёром ЕС, но США, исходя из своих “национальных интересов”, хотят ограничить эти связи. США хотят сдержать рост веса Китая, чтобы сохранить своё уникальное положение мировой державы, но отвечает ли это интересам Европы? Что могут сделать Германия и Европа для отстаивания своих интересов перед лицом США? Китай не представляет военной опасности для старушки Европы: *«Китай сегодня заинтересован в экономическом и социальном росте, а не в военной экспансии. Если Европа сможет понять, что китайские интересы носят оборонительный характер, и соответствующим образом согласовать свои интересы, то впереди нас ожидает несколько десятилетий позитивного сотрудничества»*.

В противном случае США будут стремиться предотвратить это и обусловить внешнюю политику Европы в отношении Китая гегемонистским образом по сценарию, напоминающему события 1914 года и столкновение

между Великобританией и восходящей Германией. Не в интересах Германии и Европы поддерживать Америку в её стремлении быть *«ведущей нацией Запада»* в противостоянии вызовам *«автократий»*. Конфронтационный курс США в Азии может усилить риски на европейском пространстве: в случае серьёзной конфронтации между США и Китаем в Азии Пекин может надеяться на Москву в качестве союзника, чтобы усилить давление в Европе и ослабить его в Азии. По мнению фон Донаньи, восхождение Китая следует использовать для формирования политики США. По словам Леопольда фон Ранке, *«в природе господствующих держав нет такого понятия, как ограничение самих себя: рамки должны быть установлены для них»*. Несмотря на возражения Америки, в интересах Европы использовать Китай для развития собственной мощи.

С такой же откровенностью фон Донаньи рассматривает отношения с Москвой, хотя война продемонстрировала ошибочность оценки, что Владимир Путин не имел намерений расширять границы России на Запад. Как бы то ни было, по мнению фон Донаньи, США со времён Теодора Рузвельта руководствовались в Европе *«геополитическими интересами»*, стремясь взять на себя роль, которая ранее принадлежала Великобритании. Речь шла о теориях, выдвинутых в начале XX века Хэлфордом Макиндером, об угрозе того, что евразийский *«хартленд»* будет контролироваться враждебной коалицией, что альянс Германии и России будет доминировать в мире.

Вашингтон никогда не отказывался от этого предположения, которое чётко повторил Збигнев Бжезинский: *«Европа является важнейшим геополитическим плацдармом Америки на Евразийском континенте»* (“Великая шахматная доска”). Европейцы являлись *«объектом»* американских геополитических интересов, и никогда не были настоящими союзниками. С другой стороны, Европе необходим *«баланс интересов»* между Западом и Россией, не в последнюю очередь для того, чтобы в конечном итоге иметь больше пространства для манёвра. Интерес Европы – сотрудничество с Россией, а не вражда; претензии США на то, чтобы представить себя в качестве *«державы-защитницы»*, сомнительны.

Наконец, по вопросам НАТО, европейской обороны и политической централизации ЕС в *“Nationale Interessen”* высказывается более заметная склонность к *«евронациональной дозировке»*. Хотя фон Донаньи не выступает за выход из НАТО, он всё же настаивает на тезисе, что решения о *«войне и мире»* в Европе в конечном итоге будут приниматься Вашингтоном, при этом США останутся невредимыми в обычной войне между ЕС и Россией. Учитывая *«неутешительные»* перспективы европейской обороны, необходимы *«национальные инициативы»* стран-членов, целью должен быть статус, подобный тому, каким обладает Швейцария: *«Европа не может быть эффективно защищена ни европейскими военными силами, ни НАТО под руководством США. Целью Европы в конечном итоге должна быть позиция нейтралитета альянса»*.

Что касается централизации Евросоюза, то национальный интерес Германии заключается в *«конфедерации»*,

которая может постепенно развиваться в направлении федерации, в соответствии с перспективой, которой также придерживался Шарль де Голль и которая, по словам фон Донаньи, сегодня присутствует в намерениях Эмманюэля Макрона. Но *«выживание Союза будет зависеть от того, сможет ли каждый член ЕС сохранить убеждённости в том, что оставаться в Союзе полезно и для его национальных интересов и самобытности»*.

Решения, предлагаемые в *“Nationale Interessen”*, далеки от центра тяжести немецкого политического консенсуса, как он просматривается в правительственной коалиции между социал-демократами, “зелёными” и либералами, так и в оппозиции ХДС/ХСС. Однако там широко распространены неопределённость, вопросы об атлантических отношениях и различии интересов Вашингтона и ЕС в отношении России и Китая.

Основной вопрос остаётся открытым: можно ли считать условия *Ostpolitik* и *энергетического Папалло*, лежащего в её основе, окончательно разрушенными? Может ли слишком предсказуемый конфликт, последовавший после того, как Москву потеснили на территории исторической России, действительно отменить её полувековые отношения с Германией и ЕС? Все элементы продолжающегося противостояния, кажется, подтверждают это, вплоть до физического разрушения трубопроводов под Балтикой. Тем временем конфликт всё больше противопоставляет НАТО и России друг другу и обостряется до уровня ядерной угрозы; поражает, что в отсутствие всеобъемлющих стратегических дебатов это навязывается Берлину почти как признание неизбежного.

Французская дискуссия является гораздо более определённой и отражает политическую культуру, привыкшую к концептуальным инструментам реализма, но и здесь узлом, который необходимо развязать, остаётся вопрос расхождения интересов Франции и Вашингтона в отношении Китая и России. Макрон перед своими послами, отрицая *«равноудалённость»* от Вашингтона и Пекина, заявил о *«независимости»* Франции и Европы по отношению к конфронтации между США и Китаем.

Тьерри де Монбриаль в интервью газете *La Croix* по случаю выхода ежегодника Ifri Ramses выразил сожаление, что США воспользовались возможностью *«взять судьбу Европы полностью в свои руки»*. США настаивают на расширении Евросоюза и потенциально НАТО вплоть до Кавказа; Франция и Германия могут в лучшем случае попытаться сдержать это в процессе переговоров и ратификации новых договоров. Через 20 лет (или около того) существует риск *«бессилия»* и даже *«реального распада ЕС»*, а также прекращения стремления к *«стратегической автономии»*. *«Мы можем прийти к тому, что генерал де Голль отвергал из глубины своей души, когда говорил о независимости Франции, – к тому, что окажемся втянутыми в войны, которые не будут нашими»*. Мы видим, что для французских аналитиков *Zeitenwende* открывается в духе чёрной меланхолии.

Газовая война России и ЕС

Борьба с инфляцией обостряется. Федеральная резервная система (ФРС) увеличивает калибр своего монетарного оружия. После первого предупредительного выстрела в марте с повышением ставки на четверть процентного пункта последовало повышение на полпункта в мае и три повышения на три четверти пункта каждое в период с июня по сентябрь. ЕЦБ не мог не последовать за ФРС: монетарная политика последней способствует укреплению доллара, привлечению капитала в США, удешевлению американского импорта и в то же время обесцениванию евро, снижению его привлекательности на рынках капитала, увеличению объема импорта и росту импортируемой в еврозону инфляции. И всё это происходит в условиях войны на Украине и экономической войны России против Евросоюза, поэтому неудивительно, что сейчас цены на газ в три раза превышают довоенный уровень.

ЕЦБ, повысив ставку на половину процентного пункта в июле, в сентябре единогласно последовал за решением ФРС о повышении ставки на три четверти пункта. В своём объективном сближении с ФРС – особенно после удара, который Россия нанесла по поставкам газа, полностью закрыв в конце августа магистральный газопровод “Северный поток – 1” – более антиинфляционистский скандинавский компонент ЕЦБ тянет за собой более осторожный средиземноморский компонент. Точно так же из числа протагонистов монетарной политики исключено американское кейнсианское течение во главе с Джозефом Стиглицем, который посоветовал ФРС сделать месячный перерыв, чтобы избежать риска «*втянуть и без того потрёпанную экономику США в рецессию*».

Кампания по повышению ставки уже оказывает влияние на прогнозы экономического роста: в июле МВФ оценивал рост США в 2022 году на уровне 2,3 % ВВП. Теперь ФРС снижает эту оценку до 0,3 %. Европа, вероятно, отреагирует в 2023 году, если, конечно, война не преподнесёт новых сюрпризов. Рынки с трудом адаптируются к новому курсу монетарной политики после многих лет избытка «*вертолётных денег*».

Первые военные счета

Попробуем взвесить экономические последствия войны. Для Европы это по-прежнему война за энергию, даже если исторические условия могут привести к тому, что она ускорит процесс политического объединения континента. Заместитель директора Института Брейгель Мария Демерцис подсчитала, что в 2022 году расходы на энергию (газ, нефть и уголь) превысят 9 % ВВП еврозоны, что является самым высоким показателем за сорок лет, и это в два раза выше, чем в США, где эти расходы составят 4,4 % ВВП. Кроме того, Мартин Сандбу пишет в *Financial Times*, что в течение года Европа и Япония заплатили за импорт энергоносителей более 1 трлн долл., которые в основном осели у мировых экспортёров энергоресурсов (российских, средневосточных, американских, европейских). *Crédit Agricole* (вторая по величине французская банковская группа) подсчитала, что во II квартале этого года еврозона тратила на закупку энергетических продуктов (не только российских) на 40 млрд евро в месяц больше, чем в прошлом году, и прогнозирует дополнительные расходы по итогам года в размере 360 млрд евро, что составит 3,1 % ВВП еврозоны.

Эта сумма примерно равна сумме ущерба от войны, который понесла Украина: в начале сентября киевское правительство, Европейская комиссия

и Всемирный банк озвучили сумму 350 млрд долл., включая экономические, имущественные, инфраструктурные и социальные потери. Бухгалтерия любой войны цинична и подразумевает оценку издержек, связанных с каждой потерей, угасшими жизнями и увечиями, разрушением домов, школ, больниц, распадом семей, потерей рабочих мест и возросшей стоимостью энергии. Но где есть убытки, там есть или будут и прибыли. Двойная капиталистическая бухгалтерия остаётся в силе даже во время войны.

Неустойчивая и дорогая перебалансировка

Институт Брейгель неделю за неделей публикует в виде пронумерованных графиков данные, предоставленные Европейской сетью операторов газотранспортных систем (European Network of Transmission System Operators for Gas, ENTSOG), которая собирает данные о потоках газа в Европе с учётом их происхождения. Эти данные позволяют рассчитать количественные изменения импорта газа в Евросоюз. Используемые нами данные обновлены по состоянию на 20 сентября (то есть период учёта составляет 29 недель войны; сравнение производится с данными за тот же период 2021 года), и они взяты из графиков под номерами с 9 по 37 за 2022 год. Потоки газа измеряются в миллиардах кубических метров (млрд м³).

Как видно из *таблицы*, поставки российского газа сократились вдвое – на 42,8 млрд м³. Эти потери компенсируются за счёт импорта газа из Норвегии, который составил на 9 млрд м³ больше, чем в прошлом году, и 30,7 млрд м³ сжиженного природного газа, импортированного в основном из США. По оценкам Международного энергетического агентства (МЭА), из-за роста цен Европа в течение 2022 года потребляет на 30 млрд м³ газа меньше, чем в прошлом году. Замена утраченного российского газа голубым топливом от других поставщиков и другими источниками энергии – например, углём, который в огромном количестве начали сжигать на некоторых электростанциях, – а также сокращение потребления сделали возможным продолжение кампании по пополнению запасов газа, которые в указанный период превысили запасы 2021 года на 16,6 млрд м³.

Казалось бы, российская газовая атака отражена. Но в результате этой очевидной перебалансировки цены взлетели до небес, тысячи предприятий оказались загнанными в угол, а миллионам европейских семей приходится платить за газ и электричество втрое или вчетверо больше, чем раньше. Приведённые нами данные показывают, что скачок цен не связан с абсолютной нехваткой энергоресурсов. Он вызван хаосом, созданным войной, политическими рисками, вытекающими из дисбаланса в поставках энергоресурсов между европейскими странами, разнообразием состава их источников энергии, отсутствием технологий и логистики, необходимых для распределения сжиженного газа (стандартом для определения цены этого газа является справочная цена любого другого источника энергии, используемого на электростанциях), и, наконец, спекуляциями, развязанными на фондовых биржах в отношении заказов и ставок на будущие цены. Поразительно, что Европейский союз при подготовке общей энергетической политики перед лицом войны сталкивается с такими большими трудностями, ведь первым этапом его послевоенной истории было

формирование именно энергетического сообщества – Европейского объединения угля и стали.

Олигополия и френдшоринг

Меры, предложенные в середине сентября Европейской комиссией для сдерживания цен на энергоносители, по-видимому, означают её отказ от первоначальной идеи прямого воздействия на цены на газ, установления потолка цены за единицу объёма (price cap) или отделения цены на газ от цен на другие источники энергии. Предлагаемый пакет направлен на экономию электроэнергии и ограничение доходов и прибыли компаний, занятых в сфере альтернативных источников энергии, особенно возобновляемых источников энергии и атомной энергетике, где себестоимость производства энергии значительно ниже цены на газ. Теперь цена энергии, полученной из таких источников, будет приравниваться к цене на газ. Другими словами, будут использоваться не излишки газа, а сверхприбыль от дифференциальной ренты, получаемой в сфере возобновляемых источников энергии. Еврокомиссия подсчитала, что, установив потолок в 180 евро за мегаватт-час, можно получить выгоду до 117 млрд евро. Производители ископаемого топлива (нефть, газ, уголь, продукты их переработки) должны будут делать временный солидарный взнос, который составит 33 % от прибыли, на 20 % превышающей среднюю прибыль за последние три года. Доходы от этих взносов оцениваются в 25 млрд евро. Отсюда следует, что сверхприбыли, рассчитанные таким образом, составляют около 75 млрд евро.

Если эти меры будут приняты Советом Европы, то можно будет сказать, что этот раунд выиграла газовая олигополия, в которую входят как Россия, урезанная в европейских поставках, но не в доходах, так и американские, алжирские и норвежские поставщики традиционного газа и СПГ, получающие значительную часть выгод и роскошных военных сверхприбылей, а также финансовые группы свободных спекулятивных рынков Северной Европы. Формирующаяся в Европе энергетическая коалиция является примером френдшоринга – якобы дружественного консорциума, вдохновлённого предполагаемым наличием общих ценностей, который заменит ненадёжного поставщика из страны-соперника. Идут “свои”, но какой ценой! В компании “друзей” и “домашних” групп электрической и газовой олигополии, аккумулирующих военные барыши, пролетариату необходимо повторять: «*Враг в нашем доме!*».

Эпохальный сдвиг?

МЭА пытается оценить, сколько времени потребует Европа, чтобы освободиться от энергетической зависимости от Москвы. Поставки российского газа в страны Балтии, Болгарию, Нидерланды и Польшу уже прекращены. Германия планирует сократить поставки российского газа до 10 % от прежнего объёма к лету 2024 года. Немецкая электроэнергетическая группа RWE считает, что сможет полностью разорвать эту связь к 2025 году. Италия рассчитывает полностью отказаться от поставок российского газа во второй половине 2024 года, Австрия и Франция – в 2027 году. По оценкам МЭА, Европа может снизить свою зависимость от России до уровня менее 10 % к 2025 году и ликвидировать её к 2027 году. Председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен утверждает, что уже сегодня зависимость от российского газа снизилась с 40 % в довоенный период до 9 %.

ИМПОРТ ПРИРОДНОГО ГАЗА В ЕВРОПУ В ПЕРИОД ВОЙНЫ НА УКРАИНЕ

	2021	2022	Разница
Всего	235,5	232,2	-3,3
Россия	86,1	43,3	-42,8
“Северный поток – 1”	32,6	21,1	-11,5
Транзит через Украину	22,8	11,5	-11,3
“Ямал – Европа”	20,0	1,8	-18,2
“Турецкий поток”	6,8	7,2	+0,4
Норвегия	67,3	76,3	+9,0
СПГ	55,1	85,8	+30,7
Алжир	20,8	18,6	-2,2

В миллиардах кубометров.

Несоответствие между частичными и общими данными возникает из-за отсутствия в открытых публикациях информации о некоторых поставщиках.

Источники: Bruegel, ENTSOG

В отчёте МЭА за III квартал 2022 года отмечается, что эти прогнозы весьма неопределённые, поскольку нельзя исключать, что Россия вмешается раньше и полностью прекратит подачу газа. В любом случае это нелинейный процесс. Замена российского газа, утверждает МЭА, потребует увеличения импорта СПГ до 120 млрд м³ к 2025 году, но не более того, поскольку это повлечёт за собой сокращение мирового рынка СПГ. Европейские мощности по газификации превышают 160 млрд м³ в год, но из-за плохого распределения 40 % этих мощностей приходится на Пиренейский полуостров; необходимо наращивать дополнительные мощности на 60 млрд м³ в год.

МЭА заинтересовано в сравнении времени ухода России с европейского газового рынка со временем, которое потребует Москве для перемещения той доли своего экспорта, которая уходила в Европу, на азиатские рынки, в частности в Китай. В 2025 году поставки российского газа в Европу снизятся на 80 % по сравнению с уровнем 2021 года: со 155 млрд м³ (включая 15 млрд м³ СПГ) до 30 млрд м³. За тот же период экспорт российского газа в Азию вырастет с 32 млрд м³ в 2021 году до примерно 82 млрд м³: дополнительный объём в 50 млрд м³ будет направлен по газопроводу “Сила Сибири” и пока строящемуся дальневосточному маршруту, а также в виде СПГ (в совокупности это составит около 40 % объёма газа, потерянного Европой). Только с вводом в действие газопровода “Сила Сибири – 2”, который, пройдя через Монголию, соединит месторождения Западной Сибири с Китаем, поставки увеличатся на 50 млрд м³, ещё около 20 млрд м³ СПГ будет направлено из Арктики и других источников. Таким образом поставки газа в Азию достигнут европейского уровня (160 млрд м³). Новый газопровод, по информации “Газпрома”, может быть построен в 2027–2028 годах.

МЭА заключает: «*России потребуются как минимум десятилетия, чтобы довести поставки газа на азиатские рынки до уровня, близкого к уровню экспорта в Европейский союз в 2021 году*». Если Путин использует газ в качестве оружия, то, как считает МЭА, ускорение полного энергетического разрыва Европы с Россией оставит последнюю без “парашюта” как минимум на 5 лет. Если расчёт делается именно на это, то такой разрыв окажется чрезвычайно дорогим для Европы. Но, по-видимому, у неё нет альтернатив, пока идёт война.

Европейские хроники

Шольц сопротивляется силе
“полонизации” в Праге

В статье, опубликованной в *Financial Times* 31 августа, Сильви Кауффман пишет, что «после российского вторжения динамика власти в ЕС меняется». Польшу, Прибалтику и северные страны теперь воспринимают более серьёзно, у них больше влияния, и это «смещение центра тяжести является вызовом некогда все-сильному франко-германскому тандему». Кауффман считает, что франко-германская ось вынуждена обороняться, но, тем не менее, она не поддается «вызову Варшавы договорам ЕС». Доказательством этого, по её мнению, является канцлер Германии Олаф Шольц, который в своей пражской речи призвал к «постепенному переходу» к мажоритарному голосованию, прямо противореча Моравецкому, премьер-министру Польши. Последний в своём выступлении в *Le Monde* 17 августа вновь отстаивал сохранение права вето в Европейском совете, особенно в вопросах внешней политики и обороны.

Выступление Шольца, похоже, подтверждает выдвинутую нами гипотезу о том, что, столкнувшись с трудностями в защите европейских позиций перед позициями США, особенно в этот «атлантический момент», вызванный войной в Украине, рейнская ось попытается использовать импульс, исходящий от войны, для укрепления военных и внешнеполитических возможностей европейского империализма.

Пражская речь

29 августа, выступая в Карловом университете в Праге, Шольц сформулировал свои европейские ответы на *Zeitenwende*, смену эпох. Именно под таким девизом он выступил в Бундестаге 27 февраля, объявив о создании специального фонда в размере 100 миллиардов евро для вооружённых сил Германии.

В Праге канцлер призвал кукреплению европейского сотрудничества в области обороны, созданию «настоящего европейского штаба» и постепенной замене единогоголосного голосования в Европейском совете на голосование большинством голосов, чтобы способствовать «быстрым и прагматичным действиям». По словам Шольца, институциональные реформы необходимы, учитывая перспективы вступления в ЕС Украины, Молдовы, Грузии и шести западных балканских стран: «Европейский Союз, состоящий из 30 или 36 государств-членов, будет сильно отличаться от нынешнего Союза».

Что касается европейского суверенитета, речь Шольца можно рассматривать как положительный ответ Германии на выступление Эммануэля Макрона в Сорбонне в 2017 году. Однако Шольц обратился к Центральной и Восточной Европе больше, чем Макрон. Место проведения его выступления – столица Чешской Республики, которая в настоящее время является ротационным председателем Европейского совета, – имеет большое значение.

Эти разногласия не помешали Макрону в своём ежегодном обращении к послам с энтузиазмом приветствовать выступление Шольца в Праге. С другой стороны, в Польше консервативная газета *Rzeczpospolita* выступила против попытки Шольца связать расширение с углублением ЕС. Газета считает, что Германия и Франция попытаются как можно дольше отсрочить присоединение Украины, но могут потерпеть неудачу из-за Вашингтона: «Европа снова ста-

ЗАВИСИМОСТЬ НЕМЕЦКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ОТ КИТАЙСКОГО РЫНКА

В интервью газете *Frankfurter Allgemeine Zeitung* от 15 сентября Анналена Бербок («Зелёные») сказала: «Агрессивная война России заставила нас болезненно осознать, что торговля не ведёт автоматически к демократическим изменениям. Развитие Китая в последние годы подтверждает это. Мы также поняли, что больше не должны ставить своё существование в зависимость от страны, которая не разделяет наши ценности, иначе нас могут шантажировать». Однако, по словам Бербок, «несмотря на соперничество и системную конкуренцию, мы не можем и не будем отделяться от Китая». 13 сентября министр экономики Роберт Хабек («Зелёные») заявил *Reuters* о «конце наивности» в отношении Китая, и, согласно *Handelsblatt* от 26 августа, министерство Хабек переходит к ужесточению торговой политики в отношении Пекина.

Часть немецкой промышленности, однако, не в восторге от такой перспективы и заявляет об этом громко и ясно. В 2021 году 16 % продаж 40 крупнейших немецких компаний, входящих в листинг DAX 40, были сделаны в Китае, по сравнению с лишь 1 % в России и Украине (*Handelsblatt*, 19 марта). В течение последних шести лет Китай является крупнейшим торговым партнёром Германии.

Промышленное оборудование. Компания Trumpf, один из мировых лидеров отрасли, заявляет, что «на данный момент нет никаких стратегических соображений по поводу сокращения бизнеса в Китае или передачи его на аутсорсинг в другие страны». Ожидается, что в 2025 году на Китай будет приходиться «половина мирового рынка нашей продукции». «Вот почему мы не можем отказаться от Китая» (*Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 21 мая).

Автопром. В 2021 году доля продаж Volkswagen в Китае составила 40 процентов, Audi – 43, Mercedes – 38 и BMW – 35. До того, как в конце сентября Герберт Дисс был вынужден уйти с поста генерального директора Volkswagen, он был самым ярким сторонником экономического взаимодействия с Китаем в автомобильной промышленности. Вот некоторые из его недавних заявлений.

«Если говорить об автопарке, то в Китае на 1000 жителей приходится от 250 до 300 автомобилей. В Германии их около 600, в США – почти 800. Только эти цифры дают понять, что Китай останется самым крупным растущим рынком. [...] Мы не можем работать или быть экономически активными только с теми демократиями, которые полностью соответствуют нашим ценностям. Они составляют не более 10 процентов мирового населения» (*Handelsblatt*, 30 мая).

По поводу завода VW в Синьцзяне: «Мы были в Южной Африке даже во время апартеида. Разве мы не должны были этого делать? [...] Даже Нельсон Мандела позже сказал [что это было] хорошо, что мы остались в Южной Африке, несмотря на апартеид» (*Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 3 июня).

«Если бы мы отделились от Китая, Германия была бы совершенно другой. У нас было бы гораздо меньше роста, процветания и занятости. Например, на Volkswagen в Германии работает 20–30 тыс. инженеров-программистов. Половина из них работает на клиентов в Китае. Ежегодно из Китая поступает 4 млрд евро прибыли. Я всегда говорю своим менеджерам: большинство ваших бонусов производится в Китае» (*Der Spiegel*, 2 июля).

Химпром. Химия – ещё один сектор немецкой промышленности, широко представленный в Китае. Генеральный директор BASF Мартин Брудермюллер высказывается за открытость по отношению к Китаю. В 2021 году BASF достиг там 15 % продаж, но с инвестициями в новый завод в Чжаньцзяне в размере 10 миллиардов евро эта доля должна увеличиться. Это крупнейшая инвестиция в отдельный проект в истории BASF.

«В химической промышленности к 2030 году на Китай будет приходиться 50 % мирового рынка, и к этой дате Пекин даст около 75 % мирового роста. Хотим ли мы и можем ли мы действительно попроситься?» (*Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung*, 3 апреля). «Меньше всего нам нужно разделение мира на блоки, ведущее к отказу от международного разделения труда и сокращению экономического роста для всех. [...] Неуместно приравнивать Россию к Китаю. У двух стран разные системы и культуры, экономическое значение Китая гораздо больше» (*Der Spiegel*, 4 июня).

ла прочно связана со стратегическими целями американской политики. Именно поэтому членство Украины в ЕС сейчас является задачей не только Брюсселя, но и Вашингтона» (7 сентября).

По мнению Вольфганга Ишингера, бывшего посла Германии в Вашингтоне и бывшего президента Мюнхенской конференции по безопасности, ключом к обходу отказа от вето может стать его «постепенная» отмена. В колонке *Handelsblatt* от 8 сентября Ишингер предлагает Шольцу объявить на следующем саммите Европейского совета, что если Германия когда-нибудь окажется в ситуации 26 к одному, она не будет использовать право вето, а прибегнет к «конструктивному воздержанию». Это объявление должно сопровождаться приглашением другим странам-участницам сделать то же самое.

Ветра войны

Пока неясно, будет ли этот поэтапный подход достаточным для преодоления разрыва между Рейнской осью и Восточной, Северной и Балтийской Европой. Тем более что этот раскол подпитывается экзальтацией, вызванной выводом войск российского империализма после украинского контрнаступления в Харьковской области. Новая динамика подпитывает риторику военного решения в пользу Украины.

Передовица *The Economist* от 17 сентября гласит: «Закончить работу: как

Украина может выиграть войну». В своём ежегодном обращении «О положении дел в Союзе» 14 сентября президент Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен появилась в жёлто-синей одежде – цветах украинского флага. На следующий день, во время визита в Киев, она призвала страны-члены ЕС удовлетворить требования Украины о предоставлении танков, требования, которые в итоге разделили правительство Германии. Идя вразрез с линией Шольца, 15 сентября министр иностранных дел Анналена Бербок («Зелёные») в интервью газете *Frankfurter Allgemeine Zeitung* призвала к быстрому принятию решения о поставке немецких танков Leopard 2 в Украину. Оппозиционный ХДС-ХСС также оказывает давление на социал-демократического канцлера с тем же требованием. Третья партия в коалиции, Либеральная партия, поддерживает предложение одного из членов СДПГ поставлять танки, забирая их из европейских запасов.

Однако в самый разгар драмы ядерных угроз Владимира Путина на первое место вышла правительственная дисциплина в пользу благоразумной линии Шольца, и Бундестаг отклонил Резолюция ХДС-ХСС, призывающую к отправке «Леопардов».

Смена эпохи в Великобритании?

Среди сторонников военной победы Украины также новое британское

правительство Лиз Трасс, которое продолжит линию Бориса Джонсона в этом вопросе. Набрав 57 % голосов против 43 % за Риши Сунака, Трасс выиграла выборы на пост лидера Консервативной партии в начале сентября и, таким образом, стала премьер-министром. Однако инаугурация нового правительства была омрачена смертью королевы Елизаветы II на следующий день после вступления Трасс в должность.

Смерть королевы, которая все 70 лет своего правления была свидетелем упадка империи, закрывает целую эпоху в британском сознании. По мнению *The Times*, поскольку похороны королевы – это момент, когда Великобритания находится «в центре мирового внимания», Трасс должна использовать это событие, чтобы «разрядить напряжённость» в отношениях с США, Францией и Ирландией, вызванную Брекситом и североирландским протоколом.

Учитывая предвыборную риторику Трасс, кажется маловероятным, что смерть Елизаветы II вызовет смену эпох такого же масштаба, как немецкий *Zeitenwende*. Может ли сильная доза британского прагматизма хотя бы позволить нормализовать отношения с ЕС? Это один из главных вопросов, ответ на которые пока не ясен.

Редакционная новинка

Россия в украинских войнах

Из предисловия к готовящейся к изданию на итальянском языке книги Донато Бьянки *“La Russia in guerra nella crisi dell'ordine”*.

В феврале 2014 года разгорается кризис в Киеве, это происходит на перекрестке политической ограниченности сменявших друг друга президентов с момента обретения независимости и раскалывающего внешнего давления: президент Виктор Янукович не в состоянии обеспечить реальное представительство различных экономических групп и требований регионов, к которым они принадлежат. Выходом стал Майдан, «революция» или «переворот» в противоположных интерпретациях. Крым, населённый русскими, не соглашается со сменой режима и в марте на референдуме санкционирует переход под власть России.

Этим актом Москва получила два противоположных результата: самый очевидный и положительный для Кремля – сохранение флота на базе в Севастополе; другой – потеря возможности влиять на политический процесс в Киеве именно через крымских представителей. В конце концов, согласно некоторым авторитетным источникам, включая Генри Киссинджера, именно с этой целью Никита Хрущев решил “подарить” полуостров Украине в 1954 году: держать одну ногу в дверях, чтобы предотвратить антироссийский дрейф, как это случилось в прошлом.

После этих событий, в марте 2014 года, мы ставили вопрос: *«Аннексия Крыма окончательно поставила под угрозу возможность того, что консолидация нового раздела произойдёт в рамках договорённостей между Россией и Европой?»*¹ (“Crisi dell'ordine e pandemia secolare”, ed. Lotta Comunista, 2021). Это вопрос, который с тех пор сопровождает европейские отношения и на который сегодня, кажется, получен ответ.

Тем временем, в июле 2014 года начинаются столкновения на Донбассе. В сентябре было достигнуто первое соглашение о прекращении огня, подписанное Россией, Украиной и двумя сепаратистскими республиками Донбасса, Донецкой и Луганской, в белорусской столице Минске. Недолговечное соглашение: боевые действия вскоре возобновились, и в феврале 2015 года было достигнуто второе соглашение, снова в Минске. В этот раз наряду с Россией и Украиной за столом сидели Германия и Франция в лице своих лидеров Ангелы Меркель и Франсуа Олланда. *«Политический акт нового раздела»*², – так мы это назвали. Рейнская ось отвоёвала себе видную роль, отчасти благодаря фактической доверенности, полученной от Барака Обамы, который направил американскую внешнюю политику в русло *retrenchment*, стратегического отступления. Сегодня, когда силовое противостояние обострилось, *политический акт нового раздела* имеет более навязчивый отпечаток территориального разделения Украины.

За прошедшие с тех пор годы Москва сосредоточилась как на военно-стратегической, так и на военно-политической почве. Военная доктрина 2014 года подтвердила возможность применения ядерного оружия в *«ответ на применение против неё»*, но и *«когда под угрозу поставлено само существование государства»*, тезис, повторяемый сегодня. Одним из следствий этого является разработка новых поколений ракет, определяемых как ракеты с низкой ве-

роятностью перехвата. Далее доктрина формализует *«гибридную войну»*, то есть сочетание всех доступных инструментов, от газа до военных под прикрытием (*«зелёных человечков»* в украинском конфликте или наёмников “Вагнера” в Африке), от кибервойны до вмешательства в политические процессы других стран.

Что касается военной структуры, то после войны в Грузии, с учётом недостатков, продемонстрированных, несмотря на быструю победу, Москва начала проект модернизации, явно направленный на войны, которые, как считалось, придётся вести в этот период – локальные войны: новое оружие, более гибкая структура командования, основанная на четырёх военных округах, и увеличение профессионального компонента по сравнению с компонентом призывников. Эта доктрина и эти инструменты сейчас подвергаются испытанию на Украине: наступает время подведения итогов.

Внешнеполитическая доктрина также подверглась корректировке. Александр Бобров, профессор кафедры дипломатии МГИМО МИД РФ, схематизирует четыре периода российской внешней политики в виде четырёх периодов жизни человека (*“Международные отношения”* № 10, 2021 год). Первый, *детство* (1991–1996), под руководством министра Андрея Козырева, характеризуется сокращением российских интересов в мире в обмен на принятие в новый *«постбиоплярный порядок»*: в нынешнем прочтении, период подчинения западным, особенно американским, решениям. За этим последовал период *отрочества* (1996–2008), своего рода реванш, отмеченный приходом в министерство Евгения Примакова: ключевым понятием здесь является стремление к *«многополярному миру»* в ответ на однополярные попытки США; дипломатический перевод – *«избирательное партнёрство»*, т.е. выбор тем, представляющих взаимный интерес, по которым следует сотрудничать, и приоритетов во внешних отношениях, привилегированное место в которых занимает *«ближнее зарубежье»* и прокладывание моста на Восток, без отказа от плодотворных отношений в Европе. Эту линию продолжают преемники Примакова: Игорь Иванов (1998–2004), а затем Сергей Лавров. Период *юности* (2008–2012) ознаменовался президентством Медведева и кризисом глобальных отношений, когда приоритет был отдан экономической модернизации, а затем восстановлению отношений с США и ЕС в рамках *«многовекторной»* внешней политики.

С 2012 года началась фаза *становления зрелости*: *«полицентричный»* мировой порядок, укрепление интеграции на пространстве бывшего СССР, поиск компромисса в отношениях на Западе, *поворот* на Восток, влияние на Среднем Востоке и брошенный взгляд на Африку и Латинскую Америку. Бобров заключает: *«История вершится на наших глазах. Это означает, что нам ещё предстоит стать свидетелями эпохальных и судьбоносных событий, которые будут определять вектор и динамику развития нашего государства на многие десятилетия вперёд»*. Вскоре после этого война на Украине станет одним из таких событий.

На стратегическом уровне Владимир Путин определил свою доктрину в речи на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) в 2019 году. Мы обобщили её в пяти основных тезисах: кризис международных экономических отношений; восхождение новых

держав; реакция Америки и Запада; американская односторонность и фрагментация глобального рынка; необходимость переговоров для создания нового многополярного порядка. В отношении этого последнего решающего пункта Путин устанавливает некоторые жёсткие условия: в отношении *«суверенитета»* и *«право каждой страны на свой собственный путь развития»*, *«не навязывание всем одного, единственно верного канона»*, вместо чего должна осуществляться *«гармонизация национальных экономических интересов»* и реализовываться *«принципы взаимодействия, конкуренция и сотрудничество между странами со своими различными моделями развития, особенностями и интересами»*.

Это позиции, которые ставят Путина в один ряд с Китаем Си Цзиньпина, но также сближают с доктриной Макрона, по крайней мере, с учётом *«общих корней, таких как реалистический подход к отношениям держав»*, и *«объективной тенденции к многополярной глобальной динамике»*. Но *«в политическом плане препятствия для этого остаются огромными»*³, и война на Украине является тому доказательством.

Дмитрий Тренин, бывший полковник армии СССР, затем директор Московского Центра Карнеги до его закрытия и член Совета по внешней политике и обороне, в своей книге 2016 года *«Должны ли мы бояться России?»* суммирует две цели президентства Путина: сохранить единство России и вернуть её в ряды великих держав; он считает, что первая цель достигнута, а вторая ещё нет.

Открытым нервом остаётся воссоздание континентального измерения, на основе которого можно будет иметь дело с другими великими мировыми державами в гипотетическом *«новом концерте»*. Всё ещё сказывается поражение 1989–1991 годов, лишившее Москву этой внутренней территории, которое она с переменным успехом пытается отыграть на протяжении последних тридцати лет. Одновременно с этим, и с большей эффективностью, шло продвижение политических и военных структур западного фронта, ЕС и НАТО. И поэтому то насилие, которое тогда не вышло наружу, сейчас разряжается в войне на Украине.

Хотя основополагающие факторы столкновения между этими империалистическими державами очевидны, прямая мотивация вторжения не является таковой. В апреле мы выдвинули три гипотезы. Возможно, Путин считал, что Париж и Берлин не в состоянии гарантировать успех переговоров, поскольку они были подавлены американской игрой, которая могла опираться на Польшу и страны Балтии. Или, наоборот, Европа должна была отделиться от США, предоставив нить для более выгодного сшивания. Но также и то, что к настоящему времени мировой баланс сместился на Восток, и Китай может стать эффективной заменой отношений с Европой, как в глобальных балансах, так и в неизбежном процессе модернизации.

Очевидно, что война открыла дискуссии в Москве, и последние статьи книги, относящиеся к июню 2022 года, свидетельствуют об этом.

Одним из узлов этих дискуссий являются двойные отношения: европейские и азиатские. Это долгосрочная дискуссия, которая, очевидно, учитывает изменения, произошедшие во взаимных отношениях. Остановимся на последних десятилетиях.

В марте 1969 года Арриго Черветто обозначил некоторые тенденции и проследил их развитие: *«С одной стороны, развитие советского государственного капитализма придаёт индустриальное содержание традиционным экспансионистским течениям империализма в Азии. С другой, развитие китайского государственного капитализма позволяет сегодня оказывать сопротивление русскому проникновению, даже если оно не в состоянии остановить его»*. Это эпоха империалистического СССР, ведущего *«наступление»* на азиатском фронте, и молодого китайского капитализма, пытающегося сопротивляться. *«Развитие китайской индустриализации не в состоянии повернуть назад это продвижение, и чем больше проходит времени, тем в более невыгодном положении оказывается Китай. Но Китай не является больше полуфеодалной страной, которая в прошлом должна была пассивно наблюдать за русской экспансией»*⁴.

«Чем больше проходит времени». Дело в том, что эта тенденция сделала резкий скачок двадцать лет спустя, в исторической цезуре 1989–1991 годов: СССР распался, и преимущества и недостатки поменялись местами. Именно исчезновение российского давления на восточной границе становится фактором ускорения китайского роста.

Сентябрь 2022 г.

1 – Берлин и Москва втянуты в политический раздел ЕС // Вестник “Интернационалист”. № 21. Апрель 2014.

2 – Три кризиса для европейских властей // Пролетарский интернационализм. № 7. Март 2015.

3 – Доктрина Путина для России в новом многополярном порядке // Пролетарский интернационализм. № 68. Апрель 2020.

4 – Черветто А. Унитарный империализм. В 2-х т. Т. 2. Киров: Марксистская наука, 2005. С. 84–87.

Арриго Черветто
Трудный вопрос времени

Издательство
«АНО «ЦМИ «Новый Прометей»» 2007,
160 страниц,
суперобложка, примечания,
биографический справочник,
библиография,
алфавитный указатель.
ISBN: 978-5-91258-033-8

Цена 200 руб

Тысяча ракет на тысячу километров в планах Токио

По мнению Раджи Мохана, главного кolumnиста по международным отношениям в мумбайской газете *The Indian Express* и одного из весомых голосов в индийских стратегических дебатах, дискуссия в кабинетах по национальной безопасности в Нью-Дели по-прежнему фокусируется на «геополитических абстракциях, а не на конкретных военных стратегиях». В Токио же в рамках дискуссии уже делаются «реальные предложения», как противостоять растущей военной мощи Китая.

Война на Украине и «воинственность Китая по отношению к Тайваню» с кризисом в проливе в августе прошлого года совпала с перестановками в правительстве Фумио Кисида, что наряду с совместным заявлением от 4 февраля между Москвой и Пекином, которое предшествовало русскому вторжению, «обострило насущную потребность Токио реформировать свою политику безопасности».

Три столпа Токио

Внутренние японские дебаты достигнут кульминации в декабре, когда должна пройти презентация условий пересмотра доктрины национальной безопасности (NSS), а также ряда других программных документов в сфере обороны.

Новая японская стратегия противостояния китайской державе, продолжает Мохан, основывается на трёх столпах: во-первых, переориентация дипломатии в направлении «нового реализма» – формула, предложенная Кисидой на азиатском форуме по безопасности в Сингапуре этим летом; во-вторых, укрепление потенциала сдерживания; в-третьих, углубление и расширение партнёрств в сфере обороны, которые дипломатия Токио трактует как «квази-альянсы».

От крылатых ракет до ракет средней дальности

Что касается сдерживания, Кисида обещает «значительное увеличение» военных расходов – фактически удвоения, – чтобы достичь планки в 2 % ВВП в течение пяти лет, согласно плану Либерально-демократической партии. Это удвоение сделает Японию «третьей крупнейшей державой по размеру военных расходов» после США и Китая. В абсолютных величинах речь идёт об 11 трлн йен с дополнительным ежегодным расходом 1 трлн йен в течение следующих пяти лет; если же брать нынешний курс йены к доллару, то речь идёт о 35 млрд долларов, что увеличит совокупные военные расходы до 75–80 миллиардов.

По словам Мохана, «большее значение, чем величина расходов», будет иметь то, на что именно Токио намерен их направить. Центральным элементом дебатов вокруг проекта бюджета на 2023 год и белой книги министерства является принятие на вооружение «контратакующего потенциала»: *stand-off* крылатых ракет дальнего радиуса действия, то есть ракет, которых запускают с различных платформ (наземных, воздушных, наводных) и со слишком дальней дистанции, так что они недоступны для вражеских систем перехвата. Министр обороны, высказавшийся на страницах консервативной газеты *Yomiuri Shimbun*, указывает на «1.000 ракет дальностью 1.000 км» – количе-

ственное и качественное измерение японского сдерживания; Япония намеревается расставить их на островной гряде Нансэй, которая простирается от южных островов Кюсю и Окинава вплоть до тайваньских вод.

Следом выступила региональная газета из Осаки – национальная, если рассматривать её как медийный конгломерат, – сообщившая о «1.500 ракет дальностью свыше 1.000 км». Она отмечает, что министерство обороны хотело бы также разработать «сверхзвуковые системы» дальностью более 2.000 км и принять их на вооружение в 2025–2027 годы. Япония заключила с Вашингтоном соглашения о совместных исследованиях и разработках сверхзвуковых носителей – такие использовала Москва на Украине этой весной. Если улучшенные антикорабельные крылатые ракеты японского производства Туре-12 способны поражать пусковые базы, аэропорты и командные центры в Китае и Северной Корее, то сверхзвуковые системы стали бы инструментом «*deep strike*» (глубокого удара) в особенности в отношении Китая. Речь идёт о возможном получении Японией арсенала баллистических ракет средней дальности (БРСД; от 500 до 5.500 км) с большей боевой нагрузкой.

“Активная защита” и автономия в формулах Накасонэ

Гипотеза о возвращении БРСД в Азию, в частности в Японию, чтобы уравновесить численное и качественное превосходство китайского арсенала, была предложена американскими военными кругами в момент, когда США под руководством Дональда Трампа вышли из ДРСМД, подписанного Вашингтоном и Москвой в 1987 году. В любом случае это предложение, соседствующее с покупкой крылатых ракет *stand-off*, уже было озвучено кругами, связанными с бывшим премьер-министром Ясучиро Накасонэ (1918–2019), в 2016 году, сразу же после избрания Трампа: Токио должен был гарантировать себе «пространство для автономного действия», пусть и сохраняя отношения с Вашингтоном, через приобретение БРСД дальностью от 2.500 до 5.500 км. Накасонэ не предлагал поставить на вооружение авианосцы – уже впоследствии правительство Синдзо Абэ трансформировало вертолётносцы “*Kaga*” и “*Izumo*” в «авианосцы де-факто» (см. “Крылатые ракеты и авианосцы в “активной обороне” Токио” // Пролетарский интернационализм, № 59, июль 2019).

В 2017 году Синики Китаока, дипломат и историк, представитель реалистической школы и один из создателей доктрины национальной безопасности 2013 года, призвал к созданию «достаточно конвенционального атакующего потенциала» Токио, который, будучи подписантом ДНЯО, должен был исключить возможность приобретения ядерных потенциалов в «обозримом будущем». По мнению Китаоки, акцент на самообороне не означал «воздержание» от использования атакующих мер: «Согласно Карлу фон Клаузевицу, оборона в целом не является абсолютным состоянием ожидания и ответных мер». Можно вспомнить, как в 80-е годы в свою бытность премьером Накасонэ рассуждал о «минимальном до-

статочном [ядерном] сдерживании», основанном на крылатых ракетах и маломощных боеголовках (*low yield*), порядка пяти – семи килотонн.

Равновесие “новой эры кризиса” Хамады

В ходе правительственных перестановок в середине августа Кисида заменил на посту министра обороны Нобуо Киси, брата Абэ, на Ясукадзу Хамаду. Киси стал спорной фигурой вследствие финансовых связей с Церковью объединения, замешанной в убийстве его брата, но остаётся специальным советником премьера по вопросам безопасности и обороны. Хамада, родом из города Тима, уже занимал пост министра обороны в 2008–2009 годы и был участником «оборонного племени» (*бузоку боэй*) ЛДП – группы специалистов по военным вопросам, имеющих связи с японскими и зарубежными компаниями по производству оружия.

Не принадлежащий ни к какой фракции, Хамада долгое время возглавлял комиссию по бюджету в парламенте. В интервью *Japan Times* он заявил, что желает помочь правительству сформировать «консенсус» вокруг политики обороны и безопасности. Фундаментальным здесь является «равновесие» – в свете того факта, что «Токио и международное сообщество входят в новую эру кризиса», которая навязывает пересмотр стратегий безопасности. Это глобальный контекст, в котором нужно быть «иногда ястребом, иногда голубем».

Хамада, всё же близкий к маленькой фракции Сигэру Исибы, бывшего министра обороны, высказался за развитие ядерного арсенала, но сопротивлялся идее создать контратакующий потенциал. На переговорах с главой Пентагона Ллойдом Остином Хамада получил «решительную поддержку» американцев в плане приобретения японского ракетного потенциала дальнего радиуса действия. Администрация Байдена, как и её предшественница, поддержала аналогичные меры и в отношении Сеула. А также, как утверждают японские источники, в отношении Тайбэя.

Расширенный оборонный бюджет

Японская печать считает, что Токио увеличит свои военные расходы на 10 % к 2023–2024 годам. Он планирует также реформировать их по модели США и НАТО, объединяя формирования, традиционно подведомственные другим министерствам. Примером может служить береговая охрана, самая что ни на есть четвёртая армия Сил самообороны Японии, которая подчиняется министерству транспорта.

Если бы она была в подчинении у министерства обороны, подчёркивал генеральный секретарь ЛДП Тосимицу Мотэги, то уровень военные расходов уже сегодня составил бы порядка 1,3–1,4 % ВВП. 15 % бюджета министерства экономики, торговли и промышленности касается финансирования разработок технологий двойного назначения, то есть гражданского и военного. С одной стороны, можно прочесть действия Токио как централизацию компетенций, в том числе в отношении инфраструк-

туры стратегического значения, такой как портовая и аэропортовая. С другой же стороны, это способ сделать менее жёстким достижение планки в 2 % ВВП.

Стратегия ежа и “линия преимущества”

В военно-стратегическом плане формулу японского сдерживания «1.000 ракет дальностью 1.000 км» можно охарактеризовать как «стратегию ежа»: острые иголки позволяют держать потенциал китайской проекции на уважительном расстоянии. Согласно формулам архитекторов Реставрации Мэйдзи, защита архипелага определялась как «линия суверенитета» и создание «морской подушки», которая омывала бы континентальную Азию как «линия преимущества» (M.J. Green, “Line of advantage”, 2022). Пусть японские ракеты не компенсируют асимметрию с китайским арсеналом в отношении дальности и мощи, пусть не заполняют «ракетную пропасть» между Пекином, Токио и Вашингтоном в области систем малой и средней дальности, японские иголки тем не менее смогли бы преодолеть потенциальную защиту и Тайваню.

По мнению *Nikkei*, Токио считает, что должен сосуществовать с Пекином в рамках «холодного мира», а не «ледяной конфронтации», как между США и СССР, и не «вооружённого столкновения», как в 1931–1945 годы. Чтобы это получилось, Токио не должен осуществлять *декаплинг* от китайского рынка, но обязан диверсифицировать свои цепочки поставок. Он должен действовать, чтобы восстановить «стабильный военный баланс» между японо-американским союзом и Китаем. Если весы «сильно качнутся в ту или иную сторону, увеличится вероятность вооружённого противостояния». Увеличение военных расходов Вашингтоном и Токио функционально для восстановления «военного паритета» с Драконом в целях «гарантировать мир в регионе».

В этом плане Кисида остаётся в колее линии баланса, определённой Абэ – согласно которой Токио, обнимая своего американского союзника, стремится поддерживать *подходящую дистанцию* от Китая, то есть не допустить собственного подчинения Дракону и при этом не нанести ущерб своим жизненно важным экономическим интересам. Ускорение сроков перевооружения Токио, похоже, подтверждает тезисы о реактивном характере японского морального фактора: Страна восходящего солнца «обдумывает пять лет то, что делает за пять минут». Здесь можно также обнаружить адаптивную черту, выражающуюся в постепенных изменениях политики и «контекстном уме», которая позволяет уловить изменения времени и пространства. Вот пример: островная Япония видит в поощрении притока иммигрантской рабочей силы, нужной для замедления демографической зимы, элемент собственной доктрины национальной безопасности. Колыбели, крылатые ракеты и иммигранты являются элементами империалистического противостояния.

Крупные группы США в 2021 году

Американское восстановление уже войной, инфляцией и повышением

В США инфляция растёт рекордными за 40 лет темпами, Федеральная резервная система (ФРС) повысила процентные ставки, Уолл-Стрит (в частности, технологическая биржа Nasdaq) последовательно теряет позиции. Генеральный директор JPMorgan Chase Джейми Даймон говорит, что страна должна готовиться к «урагану, который надвигается на нас».

По итогам встречи руководителей центральных банков США, ЕС и Великобритании *Financial Times* пишет: «Ведущие банкиры мира предупреждают, что эра низкой инфляции и низких процентных ставок может считаться оконченной после «массивного геополитического шока», вызванного российским вторжением на Украину, и пандемии коронавируса».

В конце мая прошёл Всемирный экономический форум в Давосе. Один из его участников Хосе Вильялс (председатель Standard Chartered) говорит, что «в целом присутствующие были настроены пессимистично, но когда говорили именно о своей компании, то были настроены оптимистично». Для американцев это, наверно, рефлекс, обусловленный динамикой бюджетов.

Больше устойчивости, больше затрат

В отчётах компаний из нашего рейтинга за 2020 год было зафиксировано резкое снижение доходов в таких секторах, как автомобилестроение, воздушный транспорт, гражданская авиационная промышленность, энергетика, частично компенсированное ростом в секторе высоких технологий и ритейле. В целом выручка компаний упала по сравнению с предыдущим годом всего на 2,5 %, но прибыль – на целую треть; однако потери были меньше, чем во время кризиса 2008–2009 годов.

Данные за 2021 год, ставший годом вакцинации, демонстрируют значительное восстановление. Общий товарооборот вырос почти на 1,4 трлн долл. (+15,7 %), а прибыль – на 628 млрд долл. (+116 %). Причём значения восстановившихся показателей намного превышают результаты допандемического 2019 года. Рост затрагивает почти все отрасли – от производства продуктов питания до автомобилестроения, химпрома и здравоохранения, но почти 50 % в абсолютном выражении приходится на сектор высоких технологий и энергетике. Оптимизм в отношении восстановления некоторое время скрывал возникающие проблемы, в первую очередь проблему инфляции.

Пандемия инициировала глобальную перестройку правил закупок крупными международными группами. Выбор поставщиков, который раньше диктовался прежде всего желанием обеспечить минимально возможные издержки, теперь вынужден учитывать необходимость обеспечения устойчивости, надёжности поставок, а не только критерий рентабельности. В конце концов растущие разногласия между Вашингтоном и Пекином связаны с тем, что закончилось время, когда Китай ограничивался лишь ролью фабрики мира, производящей продукцию сторонних лиц.

Все транснациональные корпорации стремятся рассредоточить источники поставок; значение Индии, Вьетнама, Юго-Восточной Азии растёт ещё и потому, что политика нулевой терпимости к Covid, принятая Пекином, приводит к образованию узких мест в логистике, что создаёт для компаний дополнительную мотивацию, помимо поиска устойчивости. Этот выбор увеличивает

издержки, к которым добавляются повысившиеся затраты на электроэнергию, в значительной степени ставшие результатом войны на Украине.

The Economist отмечает, что средний возраст руководителей котирующихся на бирже американских компаний – 58 лет: во время последнего всплеска инфляции (в начале 1980-х) они ещё даже не поступили в университет. Инфляция – это экономическое явление, с которым они не сталкивались в своей карьере.

Администрация Байдена может похвастаться сокращением безработицы до 3,5 % и созданием 8 млн рабочих мест за 15 месяцев, но бензин подорожал до 5 долларов за галлон (+60 % за год), и опрос *CBS News* показал, что только 36 % американских граждан одобряют экономическую политику правительства.

Netflix, ExxonMobil и Berkshire Hathaway

Вот пример того, как ситуация может измениться всего за несколько месяцев: в январе этого года *Financial Times* опубликовала длинный список победителей и проигравших среди крупных групп в 2021 году. Netflix оказалась в числе первых, ExxonMobil – в числе вторых.

Затем Netflix потеряла 70 % своей капитализации на фондовом рынке, поскольку уже не росла прежними темпами. Сегодня у чемпиона мира по потоковому вещанию 222 млн подписок плюс 100 млн совместных пользователей: в сумме они составляют 80 % того, что сейчас считается истинным потенциальным рынком для его услуг. По иронии судьбы руководство сейчас думает о росте пользователей за счёт запуска новых и льготных подписок, но с показом рекламы, отсутствием которой Netflix всегда кичился.

ExxonMobil заработала на росте цен на нефть – её капитализация выросла со 160 млрд долл. в 2020 году до более чем 400 млрд долл. на сегодняшний день, и компания объявила о крупной покупке собственных акций на 30 млрд долл. к 2023 году. Джо Байден просит нефтяные компании о «немедленных действиях», то есть о поставке на рынок большего количества топлива. Ассоциация нефтяных компаний API (*American Petroleum Institute*) заявляет, что открыта к диалогу, но добавляет, что нефтеперерабатывающие мощности в США почти полностью загружены.

Уоррен Баффет утверждает, что настоящие инвесторы «становятся жадными, когда понимают, что другие боятся». В непростое для Уолл-стрит время её холдинговая компания *Berkshire Hathaway* инвестировала в акции *Occidental Petroleum* и *Chevron*, явно угадав их взлёт, в том числе и для покрытия убытков, связанных с остальным портфелем.

Инфляция Pfizer

Pfizer закрыла 2021 год, удвоив объём своей выручки, причём 44 % этого дохода обеспечила продажа вакцины против Covid. Генеральный директор компании Альберт Бурла принял участие во Всемирном экономическом форуме в Давосе, «натянув одежду спасителя человечества», ехидно пишет *Le Figaro*. Он объявил о соглашении с 45 странами с низким уровнем дохода, которым будет продаваться вакцина и 22 других лекарственных средства по себестоимости.

Через месяц *Pfizer* подписала с правительством США контракт на поставку 105 млн доз вакцины, планировавшихся к использованию в течение лета. Цена каждой дозы, уточняет *Wall Street*

Journal, выросла с 19,5 долл. два года назад до нынешних 30,5 долларов.

Пикап для настоящих американцев

В 2021 году в США было продано 15,3 млн автомобилей, то есть чуть больше, чем в 2020 году, но далеко не 17,5 млн, как в 2019-ом. Продажи могли быть и выше, но производство сдерживала нехватка комплектующих и в частности полупроводников. В этих условиях автопроизводители решили сконцентрироваться на производстве моделей с большим рабочим объёмом и моделей премиум-класса, которые явно более прибыльны.

По оценкам *Ernst & Young*, 16 ведущих автопроизводителей мира увеличили свои доходы всего на 1,2 %, но их прибыль увеличилась с 50 до 134 млрд долл., из которых 25 % принадлежат американским группам. С этого года мы исключаем из нашего рейтинга FCA, которая в результате слияния с PSA породила Stellantis – глобальную группу со штаб-квартирой и зарегистрированным офисом в Европе и финансовой отчётностью в евро. Stellantis продала 28 % своих автомобилей в США, но по причинам, упомянутым выше, получила от них почти 40 % общей выручки.

Администрация Байдена поставила цель, чтобы к 2030 году 50 % автомобилей, продаваемых в Америке, должны были быть электрическими. Вашингтон не хочет ещё больше уступить позиции Китаю. Байден предлагает стимул для покупки электромобилей (7,5 тыс. долларов), который будет дополнительно увеличен, если автомобиль будет производиться на заводах, где присутствует профсоюз. Администрация также выделяет средства на создание к 2030 году сети из 500 тыс. станций быстрой зарядки против нынешних 93 тыс. станций медленной зарядки.

Ford и *GM* обязались выделить к 2025 году 30 и 35 млрд долл. соответственно на производство электромобилей и аккумуляторов (в сотрудничестве с корейскими группами *Samsung*, *LG* и *SK Innovation*). Независимо от того, какой характер будет носить сеть зарядки, в Америке существуют очень устоявшиеся потребительские привычки. В 2020 году только четверть проданных автомобилей не были внедорожниками или пикапами.

Ford начинает продавать свой F-150 Lightning – электрическую версию самого продаваемого пикапа в Штатах на протяжении десятилетий. На встрече, посвящённой представлению автомобиля, конгрессмен-демократ от штата Мичиган Дебби Дингелл высоко оценила его характеристики, заявив, что F-150 Lightning способен продемонстрировать, что электромобили – «это не только калифорнийские выпендрёжные автомобили», но и такие, на которых ездят «настоящие американцы». Эксперты говорят, что потребуются от 4 до 5 лет, чтобы увидеть, будут ли электрические пикапы иметь коммерческий успех.

Вертикальная модель Tesla

В октябре прошлого года компания по прокату автомобилей *Hertz* заказала у *Tesla* 100 тыс. автомобилей Model 3. На тот момент рыночная капитализация *Tesla* составляла 1 трлн долл., снизившись сегодня на 30 %. В 2021 году *Tesla* поставила 936 тыс. автомобилей по всему миру, продемонстрировав рост на 87 %. В этом году к заводам во Фремонте (штат Калифорния) и Шанхае добавятся две новые фабрики в Берлине и Остине (штат Техас), а объём

производства, как ожидается, вырастет до 1,4 млн автомобилей.

Tesla получила ряд преимуществ за счёт вертикальной организации своей работы, и за этим внимательно следят конкуренты, что даёт *The Economist* возможность говорить о тенденции к «теслафикации». У группы Илона Маска нет дилеров, зато есть собственная зарядная сеть, которая постоянно модернизируется. *Tesla* имеет прочные соглашения с производителями минералов, необходимых для производства аккумуляторов. Она собирает данные о проданных автомобилях, постоянно обновляет программное обеспечение и разрабатывает самостоятельно наиболее важные микросхемы.

Локдаун в Шанхае привёл к тому, что *Tesla* потеряла месяц производства и статус первого производителя электромобилей в Китае, уступив его *BYD* из Шэньчжэня (8 % которой владеет *Berkshire Hathaway*). В исследовании *Bank of America* говорится, что в течение 3 лет гегемония *Tesla* в США также будет оспорена усилиями конкурентов, в первую очередь крупных детройтских компаний. Сражение продолжается: тем временем Маск испытывает «плохие предчувствия» по поводу состояния мировой экономики и уже приказал сократить штат группы на 10 %.

Высокие технологии, отсутствие боеприпасов

Столкнувшись с задержками в поставках самолётов, заказанных его компанией, глава *Ryanair* Майкл О'Лири назвал руководство *Boeing* группой «людей, которые бегают по кругу, как безголовые цыплята». Американский авиационный гигант продолжает сталкиваться с организационными проблемами и нехваткой деталей для сборки. В 2021 году *Boeing* поставила 340 самолётов, что составляет чуть более половины от поставленных *Airbus*.

Оборонно-космическое подразделение также испытывает проблемы. Космический корабль *Starliner*, который должен позволить *NASA* перебросить астронавтов на международную космическую станцию, ещё не летал с экипажем на борту, тогда как его конкурент *SpaceX Crew Dragon* выполнил уже четыре миссии.

Тем не менее *Boeing* является третьим по величине международным производителем военной техники после *Lockheed Martin* и *Raytheon Technologies* и опережает *General Dynamics* и *Northrop Grumman*, а вместе все эти компании составляют пятёрку крупнейших оружейных компаний мира. США были и остаются непревзойдёнными в этой области.

По оценкам *Aviation Week & ST*, в ближайшие пять лет в мире будет произведено 2.168 истребителей: 931 из них (44 %) – это современные F-35 производства *Lockheed Martin* с двигателями *P&W* (*Raytheon*), каждый из которых стоит 17 млн долларов. Немецкий фонд перевооружения планирует закупку 35 единиц F-35, 60 тяжёлых транспортных вертолётов *Chinook* и нескольких патрульных самолётов *P-8 Poseidon* (обе модели производит *Boeing*).

Американская помощь украинскому правительству включает поставку 1.400 зенитных ракет *Stinger* и 7.000 противотанковых систем *Javelin* за первые два месяца конфликта. Вашингтон решил возобновить производство этих продуктов как для Киева, так и для собственных складов, но *Raytheon* и *Lockheed Martin* говорят, что для достиже-

Страницы истории рабочего движения

Лассаль и государство

В «Программе работников» Лассаль иллюстрирует свою концепцию государства, которое рабочие, по его мнению, должны рассматривать как самоцель: «24 февраля 1848 г. взошла первая заря нового исторического периода. В этот день во Франции [...] вспыхнула революция, которая призвала рабочего в члены временного правительства, которая провозгласила целью государства улучшение участи рабочего класса и, вместе с тем, установила всеобщее и прямое избирательное право; согласно последнему, всякий гражданин, достигший 21-го года, независимо от своего имущественного положения, принимал равное участие в управлении государством, в определении воли и цели государства»¹. Буржуазия, пишет Лассаль, понимает государство исключительно как защитника свободы личности и её собственности, в виде идеи ночного сторожа – «ночного сторожа» потому, что она не может себе иначе представить государство, как в образе ночного сторожа, функция которого – предупредить разбой и грабёж».

Для Лассаля же государство, напротив, призвано к совсем иной историко-нравственной миссии: «История это – борьба с природой, с беспомощностью, невежеством, бедностью, бессилием и, следовательно, с неволей во всех её видах [...]. [...] В такой борьбе мы никогда не сделали бы ни одного шага вперёд и никогда не сделаем его, если бы действовали или пожелали действовать каждый в одиночку, каждый только за себя. И вот назначение государства осуществить это развитие свободы, привести человеческий род к свободе. В лице государства осуществляется объединение индивидуумов в одно нравственное целое, объединение, в миллион раз увеличивающее силы отдельных лиц, включённых в этот союз. Силы, которыми располагает каждая из этих единиц, возрастают, таким образом, в миллион раз». Далее Лассаль заключает, что «государство, которое подчиняется идее рабочего сословия [...] с полным сознанием [может] поставить своей задачей нравственное развитие»².

По словам Меринга, который в данном случае выступает в роли апологета Лассаля, «Программа работников» является «таким же великим произведением, каким был в своём роде «Коммунистический манифест». Можно сказать даже, что лассалева «Программа работников» есть «Коммунистический манифест», отражённый в зеркале немецких условий. Этим, вместе с тем, сказано, что она одностороннее «Коммунистического манифеста», но в этой односторонности кроется, вместе с тем, её сила»³. По словам Меринга, это приводило к тому, что она могла дать своему читателю более точное понимание немецких реалий.

Коммунизм против государственного социализма

Против этого тезиса выступил Антонио Лабриола, который указывал, что в самом «Манифесте» учение Лассаля имплицитно осуждалось: «С самого момента своего появления новое коммунистическое учение заключало в себе скрытую критику всех форм государственного социализма, от Луи Блана до Лассаля. Государственный социализм, хотя он и смешивался тогда с революционными тенденциями, всецело сводился к пустому вымыслу, к магической формуле права на труд.

Это коварная формула, если в ней кроется требование, обращённое к правительству, пусть даже правительству революционной буржуазии. Это экономический абсурд, если таким образом намереваются уничтожить меняющуюся в своих размерах безработицу, которая влияет на колебания заработной платы, т. е. на условия конкуренции. Эта формула может быть искусным приёмом политиканов, если требуется найти способ утихомирить волнения возмущённой массы неорганизованных пролетариев. Это теоретическое положение, излишнее для тех, кто ясно постигает грядущий ход победоносной пролетарской революции, которая неизбежно должна привести к обобществлению средств производства путём их захвата; иными словами – она неизбежно должна привести к такому экономическому строю, где не будет ни товаров, ни наёмного труда и где право на труд и обязанность трудиться сольются воедино, в общую потребность трудиться для всех. Мираж права на труд рассеялся в дни июньской трагедии [1848 года]. Происходившая позднее парламентская дискуссия по этому вопросу была лишь пародией»⁴.

Прусское якобинство

Идеи главного философско-юридического труда Лассаля «Система приобретённых прав» (1861) целиком находятся в плоскости идеализма и не идут дальше формального уровня позитивного права. В этой работе Лассаль намеревался показать, как изменение общественных отношений должно быть введено в правовые рамки прусского государства.

В начале 1862 года его друг и соратник Лотар Бухер, впоследствии ставший доверенным сотрудником Бисмарка, резко критиковал в беседах с Лассалем теоретическую структуру «Системы приобретённых прав»: «То, чем Вы хотите заменить (буржуазный порядок), меня не устраивает. Все меры, которые Вы перечисляете, являются только лишь политическими, можно даже сказать, юридическими, они опираются на старую социальную почву, они просто создадут новую буржуазию. И эти новые отношения собственности [являются] новыми благодаря изменению лиц, а не химических свойств – если можно так выразиться – самой собственности».

Герман Онкен в своей книге 1904 года «Lassalle: Zwischen Marx und Bismarck» замечает, что Лассаль был очарован якобинством Фихте, но предупреждает, что «это не тот вид якобинства, который ведёт назад к Бабефу, а тот, что ведёт в направлении якобинства прусских реформаторов».

Лассаль воскрес

Государственный социализм, который защищал Лассаль, обретёт новые формы уже в XX веке вместе с возникновением идеологии фальшивого русского социализма, сталинистского государственного капитализма. Историк Жозеф Рован пишет в «Histoire de la social-démocratie allemande»: «Возвеличение государства Лассалем гораздо лучше соответствует практике социалистических стран XX века, начиная с Советского Союза, которые придавали государству огромное значение, чем марксистским идеям об отмирании государства».

Амадео Бордига в статье «Gracidamento della prassi», опубликованной в номере 11 журнала *Programma comunista* от июня 1953 года, полемизировал

против журнала *Socialisme ou Barbarie* Корнелиуса Кастириадиса, который в своей критике государственного капитализма в СССР претендовал на то, чтобы заменить понятие буржуазии понятием «бюрократии». Бордига писал: «Эта шkolка называет себя «марксистской», но утверждает, что необходимо создать новую теорию «классового общества», в котором пролетариат всё так же эксплуатируется, но господствует «бюрократия», теорию общества, лежащего между «частным» капитализмом и социалистическим обществом, которое не предвидел Маркс». Согласно этой теории, поскольку буржуазии больше нет, то рабочие в СССР образовали государство, порядок, эксплуатируемый и угнетаемый противостоящим порядком высших чиновников. Таким образом, происходил откат к домарксистской концепции, отрицающей материалистическую теорию классов. «Значит ли это, что происходит возрождение или перевоплощение в смелого и статного Фердинанда Лассаля, сильного агитатора, но невеликого теоретика даже в копировании?». В этой теории «моральный принцип» Лассаля объявляется нарушенным, так как изрядные гонорары бюрократов получают путём «стрижки» фабричных наёмных рабочих. Но Бордига замечает, что «размер вознаграждения не является критерием класса», и противопоставляет идее бюрократического государства «совершенно иной [марксистский] взгляд», то есть «борьбу между новым, чётко определённым способом производства – социалистическим, ставшим теперь возможным благодаря развитию производительных сил, и теперешним капиталистическим способом производства, защищаемым современными формами производства, собственно, государства».

Бордига цитирует письмо Маркса Энгельсу от 28 января 1863 года, в котором высказывается мнение о «Программе работников», подтверждающее тезис Лабриола о том, что Лассаль мистифицировал «Манифест»: «Ты знаешь, что это не что иное, как скверная вульгаризация «Манифеста» и других часто проповедуемых нами вещей, ставших уже до известной степени прописными истинами. (Этот малый называет, например, рабочий класс «сословием».)»⁵. Бордига переводит термин «stand» («сословие») как «государство», «порядок» и поясняет: «У нас, в Италии, эти названия тоже на слуху: «Новый порядок», «Рабочее государство»».

Бордига указывает, что концепция Лассаля, будучи уязвимой для критики со стороны сталинизма, обнаруживает себя как «домарксистская» и «антиматериалистическая» теория «общества по приказу», даже в устах *Socialisme ou Barbarie*, который придерживается позиций коммунизма советов и либертарного коммунизма и намеревается этот государственный капитализм критиковать.

Бордига пишет, что эта структурная ошибка передаётся в различных формах по длинной линии, которая тянется от Прудона к Лассалю, Дюрингу, Сорелю и Грамши и состоит в идее, что «социализм есть завоевание рабочими в свою пользу максимальной прибыли их предприятия». «Социализм, – полемизирует Бордига, – это завоевание рабочими, объединёнными не в предприятия, а во всецело интернациональное общество, всего общественного продукта. [...] Завоевание всей стоимости, после

чего стоимость будет уничтожена, как при завоевании всей власти будет уничтожена власть».

Сомнительные развилки

Миф о национальном государстве также рискует привести своего сторонника на сомнительную развилку, пишет Отторино Перроне (Верчези) в книге «La tattica del Comintern», ссылаясь именно на случай Лассаля. Арриго Черветто в своих «Тетрадах»⁶, посвящённых марксистской стратегии, отмечает такой отрывок: «Лассаль задумал государственный социализм, опираясь на Бисмарка, то есть на политические силы, которые претендуют на исправление злоупотреблений капитализма, в то время как на самом деле они обеспечивают успех его неумеренных форм. В Германии и Италии эти формы называются фашистскими, во Франции – социалистическими и коммунистическими». Это верно и сегодня, причём как для движений, перерабатывающих старые реакционные обломки, так и для движений, использующих в лукавых электоральных целях левый совранизм.

Поэтому, продолжая сказанное в предыдущих статьях, «зародыш лассальянства» может быть найден в видоизменённых и даже самых противоречивых формах и использован самыми различными политическими силами:

теми, что используют национал-шовинистическую мистификацию Карла Каутского, приведшую к краху II Интернационал в процессе испытания империалистической борьбой;

социал-империалистическими реформистами и идеологами социального государства, включая католиков-солидаристов;

теми, что эксплуатируют теории о роли государственной власти в империалистической борьбе;

сталинистами с их ложным социализмом и апологетами государственного капитализма;

антисталинистскими левыми с их теориями бюрократического государства; конъюнктурным левым совранизмом, который в судорогах национальных политических циклов может доходить до красно-коричневых форм.

Вопреки лассальянскому пониманию буржуазного государства как правового государства, пригодного как таковое для освобождения рабочих, Маркс утверждал, что государство, этот орган классового господства, должно быть свергнуто пролетарской революцией. Таким будет урок Парижской коммуны, которая в горниле конкретной борьбы продемонстрирует «открытую, наконеч»⁷, форму политической власти пролетариата.

Июнь 2022 г.

1 – Цит. по: Меринг Ф. История германской социал-демократии. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение». Выпуск четвёртый, 1896. С. 200–201.

2 – Там же. С. 204, 205.

3 – Там же. С. 206.

4 – Лабриола А. Очерки материалистического понимания истории. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. С. 36.

5 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 30. С. 264.

6 – Cervetto A. Opere. Vol. 7: Quaderni. Strategia e marxismo. Milano: Lotta comunista, 2019.

7 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 17. С. 346.

Нордистское приспособленчество в евронациональной оферте

Более четверти электората, около 13 миллионов из 46, проголосовали на всеобщих выборах 25 сентября иначе, чем на предыдущих. По сравнению с 2018 годом, «Братья Италии» Джорджи Мелони увеличили поддержку почти на 6 миллионов голосов, в то время как «Лига» Маттео Сальвини потеряла 3,2 миллиона голосов, а «Вперёд, Италия» Сильвио Берлускони – 2,3 миллиона; Демократическая партия (ДП) Энрико Летты потеряла почти миллион голосов, большая часть которых перетекла в более чем 2 миллиона, полученных новым формированием Карло Календы и Маттео Ренци; «Движение пяти звёзд» более чем вдвое сократила поддержку, потеряв 6,4 миллиона голосов. Уровень абсентеизма вырос более чем на 4 миллиона голосов, приблизившись к 18 миллионам, что составляет почти 40 % электората.

Такие значительные сдвиги, новое проявление *массового приспособленчества*, которым отмечены последние тридцать лет после краха партийной системы в начале 1990-х годов, требуют обновления нашего анализа итальянского нарушения равновесия. Отправной точкой является *европейский политический цикл*. Мы подходили к проблеме «Лиги» Сальвини и «Движения пяти звёзд», а теперь и «Братьев Италии» на основе критерия *еврорастворимости*, или, если хотите, *евросовместимости* этих политических сил. Испытанием для новых сил итальянского нарушения равновесия, в этом суть дела, стал бы процесс адаптации к европейскому *внешнему принуждению*, или его провал.

Ход этих четырёх лет в целом подтвердил силу фактора *европейского принуждения*, хотя и в рамках колебаний, противоречий и контртенденций, которыми отмечен каждый политический цикл и, тем более, итальянский *моральный фактор*. Правительство проевропейского *приспособленчества* в феврале 2021 года мгновенно встало в один ряд с «еврокомиссаром» Марио Драги, со всеми двусмысленностями, которые мы зафиксировали и проанализировали и которые проявились при его падении. В итоге *еврорастворимость* «Лиги» и «Движения пяти звёзд», двух сил, которые в 2018 году породили *правительство авантюристов и дилетантов*, сопровождалась резким сокращением электората. «Движение пяти звёзд», набравшее 32,7 % действительных голосов в 2018 году, рухнуло до 17,1 % на европейских выборах 2019 года и до 15,4 % сегодня. «Лига», которая получила 17,4 % на всеобщих выборах 2018 года и даже 34,3 на европейских, сократила поддержку вдвое – до 8,8 %. В целом, две наиболее противоречивые силы проевропейского толка из правительства Драги сократили свою поддержку с 50 до 24 % действительных голосов, то есть вдвое.

Давайте проясним: учитывая поверхностность национального политического цикла, который сделал стратегическое позиционирование Италии расходной темой в тактике и внутренней демагогической агитации, в нём остаются неясности и умолчания, не позволяющие нам исключить будущие развороты. В частности, «Лига» продолжает демонстрировать пророссийские наклонности: если отчасти она вторит «русской партии», хорошо укоренённой среди итальянских промышленных и финансовых групп, то в переломных условиях украинской войны это ставит её в положение против течения относительно стратегической задачи позиционирования Италии. Факт остаётся фактом: в горниле исполнительной власти Драги, «Лига» и «Движение пяти звёзд» отказались от

самых демагогических позиций по выходу из евро и противостояния Брюсселю и Франкфурту, будучи соучастниками европейских фондов Национального плана восстановления и обеспечения устойчивости (PNRR). Силы, считавшие, что они могут получить электоральную выгоду от этих позиций наряду с остальными веяниями антивакцинаторства, получили на выборах поддержку по остаточному признаку.

В конечном итоге, критерий *еврорастворимости*, основанный на предварительной оценке жёсткости *европейского принуждения*, оказался полезным инструментом для анализа итальянского нарушения равновесия на этой фазе *нового политического цикла*. Следует напомнить, что в своих научных основах это инструмент, который имеет более чем пятидесятилетнюю историю апробирования, и использовался для анализа кризиса нарушения равновесия с конца 1960-х годов: итальянское *несоответствие* заключалось в неадекватности политической и институциональной надстройки по отношению к потребностям крупных групп на европейском рынке, а диалектика *нарушения равновесия* и *приспособления* прокладывала медианный путь в направлении этих связей с Европой. На протяжении десятилетий этот научный критерий развивался в анализе *европейской генеральной линии* крупных групп, *множества европейских надстроек*, в которых эта линия отражалась, качественного скачка *федерации евро* в конце 1990-х годов.

Теперь дело за применением этих инструментов к новым событиям европейского политического цикла в Италии, к *новому сезону итальянского нарушения равновесия*, где утверждение правоцентристской коалиции и внутри неё «Братьев Италии» демонстрирует новый контекст *массового приспособленчества*. Вопрос о *еврорастворимости* или *евросовместимости* «Братьев Италии» и будущего правительства под руководством Мелони имеет два непосредственных поверхностных измерения, связанных с публичными проявлениями политической борьбы. В частности, обсуждается позиция Джорджи Мелони, которая выбрала показной тон заверений и «*дедemonизации*», согласно выражению, которое во Франции применяется в отношении Марин Ле Пен. Полемика контр тезис, использовавшийся в избирательной кампании, заключался в том, что существуют две Мелони – её *соврагистская* и *евроскептическая*, а также *постфашистская* траектория, и её недавние заявления об атлантической и европейской ответственности: какой из них верить?

Это внутренняя дилемма, можно сказать, присущая любому *приспособленчеству*: можно ухватиться за его двуличие или сомнительную надёжность, а можно за его способность адаптироваться и развиваться в направлении реализма. Преобладающий тон в международной прессе, как мы пишем в другой статье, несмотря на тревогу некоторых, склоняется к осторожной открытости в кредит.

Второй, более ощутимый аспект – это люди, которых Джорджи Мелони, договорившись со своими союзниками, желает и сможет поставить в правительство, и те, кого истеблишмент европейской партии сможет предоставить в её распоряжение. Здесь, назвав лишь имена некоторых известных функционеров, таких как Фабио Панетта из ЕЦБ, который должен возглавить министерство финансов, или Джампьеро Массоло из Института по изучению международной политики (ISPI), намеченного на пост министра иностранных дел, можно обо-

значить ориентацию на европейскую и атлантическую стабильность, которую Мелони намерена придать будущей исполнительной власти. Посмотрим. Разумеется, состав правительства станет первым практическим испытанием *еврорастворимости*; здесь будет иметь вес центральная роль *европейской партии*, воплощённой в Квиринале.

Однако есть и другое, более объективное измерение, связанное с социальными и территориальными корнями политической силы. Остановимся на рамках анализа, который мы использовали постепенно дополняя его выводы и который также рассматривали в его противоречивой динамике. В Италии существует промышленный Север, где действуют крупные группы, средние и малые предприятия сферы производства и услуг, тесно связанные с европейским рынком и, в частности, с рынком Германии. Однако у него есть два лица – победителей и проигравших в глобализации, кризисах и европейской реструктуризации; тенденция «Лиги» состоит в том, чтобы придать пропагандистский акцент антиналоговому – и даже антиевропейскому – недовольству мелкого производства и торговли, и в то же время предложить в практике регионального управления стабильность европейских связей. Есть и этатистский Юг, зависящий от государственных расходов, который, безуспешно, переплетается с зонами производительного Юга, но который склоняется к зависимости от правительства в своих политических взглядах из-за связи с трансфертами из центра: до пандемии столетия и запуска PNRR объём этих трансфертов оценивался в 3 % ВВП в год. Ближе к северу находится центральный четырёхугольник, сотканный из средних и малых производственных предприятий, агропроема, большого количества предприятий, связанных с туристическим бизнесом в приморских курортах и центрах культуры. В силу исторических причин, с послевоенного периода эта область была в основном представлена ИКП, а затем ДП; в последние годы эта гегемония была подорвана правоцентристами, начиная с Марке и Умбрии.

В последние годы мы рассматривали *северный вопрос* как элемент и противоречие *еврорастворимости*: ключевой элемент для электорально-политической коалиции, которая соединяется с *европейской линией*, заключается в том, кто представляет Север, а также как он его представляет, будь то в восходящем смысле связи с европейским рынком или в нисходящем – тех, кто опрокинут им. В этом смысле тот факт, что «Братья Италии» утверждают в качестве первой силы на Севере, набрав 27,5 % действительных голосов на Северо-Западе и 30,5 % на Северо-Востоке, является наиболее ярким политическим фактом последних выборов и объективным фактором, в своей социальной основе, который может стать решающим в направлении *еврорастворимости*. С другой стороны, укоренение на Юге Италии этатистского *приспособленчества* «Движения пяти звёзд» воспроизводит одно из самых коварных противоречий для европейской *реструктуризации* в Италии. Такого реального препятствия, которое «Братьям Италии» придётся преодолеть в своём стремлении действительно стать *партией нации*; на этом противоречии между Севером и Югом разбилась христианская демократия, и загадка долгового социального компромисса и связанного с ним дефицита производительности остаётся нерешённой.

Два безусловно предварительных соображения. Тридцатилетняя эпопея Сильвио Берлускони стала также ко-

лоссальной растратой политического капитала. Начав путь с целью быть централизованным Третей Италией – и даже обладая политико-коммуникативной гениальностью для этого, – Кавальере не смог распутать узлы институционализации своей силы, а вместе с этим и преемственности своего руководства. Ему помешал в этом его *ломбардский* моральный фактор, а также тот факт, что он никогда полностью не осознавал и не устранил различия между своей частной ролью – великого предпринимателя в сфере коммуникаций и недвижимости, отсюда и его *партия-предприятие* – и своей политической ролью. Некоторое время казалось, что наследство правоцентристского направления, представленного берлусконизмом, может быть подхвачено новой национальной «Лигой», но и Сальвини, ещё один *ломбардец*, похоже, растратил эту возможность, оказавшись зачарованным тактицизмом постоянной электоральной кампании, построенной между *социальными медиа* и демагогическим акцентом на ксенофобских выпадах и теме *закона и порядка*.

В утверждении «Братьев Италии» на Севере и Центро-Севере, а также в потоках голосов от «Вперёд, Италия» наряду с теми, что перешли от «Лиги», необходимо рассмотреть конкретную возможность того, что именно Джорджи Мелони воплощает наследие всех правоцентристов: новая реальность национального *нордизма*, которая, как ни парадоксально, имела бы своей отправной точкой *использование мира* римских пригородов, а также бывшую организацию Итальянского социального движения. Приписываемые ей амбиции стать крёстной матерью *большого шатра консервативной партии* должны быть помещены в этот контекст.

Во-вторых, существует вопрос о массовой базе для общеевропейской линии крупного капитала, нерешённый вопрос в *новом политическом цикле электоральных восстаний*, не только для итальянской буржуазии. Известно, что *европейской партии*, представляющей себя таковой, в Италии едва удаётся набрать 10 % действительных голосов: такова судьба «Гражданского выбора» такого функционера как Марио Монти в 2013 году, с «*большими избирателями и малыми цифрами*» этой партии, а сегодня – картеля между «Действием» и «Живой Италией». Даже ДП Энрико Летты, в целом, заплатила цену за то, что стала заложником так называемой «повестки дня Драги», отказавшись от тех союзников, которые необходимы в мажоритарной избирательной системе, в которой голосование проходит в один тур. Конечно, существует вероятность того, что «Братья Италии», в свою очередь, зайдут в тупик *совразизма* в польском стиле, как опасаются некоторые международные комментаторы, и это не только станет причиной того, что новый сезон *итальянского нарушения равновесия* выльется в острый кризис, но и приведёт Европейский Союз в неизведанные воды. С другой стороны, есть конкретные элементы для новой движущей роли правоцентристов, чтобы привести этот национальный консенсус к европейскому компромиссу, который проходит через отношения между Европейской народной партией и консерваторами, как это видно из соглашения, которое привело Роберту Метсолу на пост председателя Европейского парламента. В этом смысле новая волна *нордистского приспособленчества* может стать воплощением *евронациональной оферты*. Это линия, которая уже имеет своих контактных лиц в Европе, в том числе на Рейне.

Гиганты Азии: дилеммы плюрализма в китайской однопартийности

Исследование политических форм китайского плюрализма

Из предисловия к готовящейся к изданию на итальянском языке книги Джулио Мотози "Democrazia imperialista in Cina".

Диктатура капитала может осуществляться в различных формах. Китай прошёл через крайне мощное экономическое развитие, сопровождавшееся специфическими политическими формами.

Подводя итоги семидесятилетней политической борьбы между классами в Китае, можно подчеркнуть три аспекта. Во-первых, доминирующей чертой политических форм диктатуры капитала стал *однопартийный плюрализм*. Во-вторых, существует *равновесие властей*, в рамках которого конкретные институты призваны уравнивать или хотя бы пытаться уравновесить политические воли буржуазного плюрализма. Последнее часто имело актуальность для региональных групп и фракций, которые связаны в первую очередь с сильными провинциями.

Наконец, в рамках этого однопартийного плюрализма с определённым *равновесием властей* мы могли видеть, как на протяжении его беспокойной истории дилеммы империалистической демократии ставились, оставались нерешёнными или откладывались в сторону, будь то в форме открытой конфронтации между политическими течениями с кульминационным эпизодом 1989 года или в форме местных политических экспериментов, где центральное место занимает борьба за «одну страну, две системы» в Гонконге. Даже систематически ослабевая, фундаментальная двойственность всё равно сохранялась.

Время империалистического восхождения Дракона и уникальный масштаб его территориального и демографического расширения на пространстве, исторически уязвимом для внешнего вторжения, могут дать новые ответы на дилеммы централизации этого плюрализма и связи с межклассовой массовой базой китайского империализма. Но помимо этого, политические формы китайской власти будут формироваться под влиянием войн и кризисов империализма.

Выражения плюрализма в КПК существовали всегда, особенно в провинциях. В официальных дебатах де-факто признаются различные политические формулы «федерализма», причём как северные течения, так и южные, тяготеющие к децентрализации. То же самое следует сказать и о демократических теориях. Один из самых явных их приверженцев – Чжэн Юннань из Китайского университета Гонконга в Шэньчжэне – регулярно печатается в официальных газетах. В *China Daily* от 20 октября 2021 года он отмечает, что Запад принял нынешнюю «форму» демократии после многовековых поисков. Чжэн предполагает, что исследование китайских политических форм ещё не завершено.

В начале XX века, пишет Чжэн, приводя что-то среднее между примером и полемической отповедью, женщинам не разрешалось голосовать во многих демократических странах. Даже в Соединённых Штатах принцип «один человек – один голос» будет действительно принят только в 1970-х годах с утверждением «граж-

данских прав», то есть политических свобод, в которых долго отказывали афроамериканскому населению в южных штатах.

Китай не отрицает значимости «прав»: они будут закрепляться поэтапно, постепенно, по мере смены ступеней, степеней или фаз в виде «адаптированном» под конкретные национальные условия. Но в настоящее время это означает акцентирование «права на развитие».

В рассуждениях Чжэна подразумевается, что при достижении определённой ступени «развития» узел «формы демократии» возникнет вновь, и это связывает вопрос о политических формах империалистической демократии со временем восхождения Китая и усиления его мощи с международными коллизиями, которые это за собой влечёт.

После первой опиумной войны 1839–1842 годов, вспоминает Чжэн, Китай экспериментировал с «конституционной монархией» по японскому образцу, английской «парламентской системой» и американским «президентализмом». Относительно юга страны можно добавить, что при Сунь Ятсене (в 1917–1921 годах) попытка буржуазии установить парламентаризм в Кантоне потерпела поражение от военных. В 1919 году Сунь Ятсен представил план национального развития, который должен был быть профинансирован мировыми державами, но иностранный капитал так и не прибыл. Потерпев неудачу в республиканском руководстве революцией, буржуазия искала новых союзников. Ими оказались «якобинцы» Чжоу Эньлая, связанные с журналом «Новая молодёжь» и проявлявшие активность в движении 4 мая 1919 года, а также «народники» Мао Цзэдуна, по выражению Жана Шено (*«La Cina contemporanea»*, 1963). В 1924 году в Кантоне Сунь Ятсен представил три принципа – национализм, демократию и процветание, подражая Японии, Европе и США. Но как метрополии долго нащупывали свой путь к империалистической демократии, так и Китай пока не мог найти свой. По мнению Чжэна, начиная с 1920-х или во всяком случае с 1930-х годов КПК также всегда была намерена стремиться к форме «демократии», адаптированной к национальным условиям, то есть к «синизированной» демократии.

Эта мысль придаёт историческую глубину фундаментальной двусмысленности, культивируемой этим автором: с одной стороны, Китай уже является «демократией», но «с китайскими особенностями», с другой – Китай ещё не является демократией в полной мере или во всех её «формах». Однако если принять во внимание недавний текст Чжэна «В следующие тридцать лет: ключевые вопросы реформирования Китая в новую эпоху» (2018), то перспектива такой мутации может реализоваться в ближайшие десятилетия. Можно подумать, что автор, оставаясь в рамках нынешнего китайского политического (и правового) консенсуса, делает акцент на первом тезисе: Китай уже является демократией со своими особенностями, и именно это позволяет реализовать второй тезис о том, что демократия в Китае должна развиваться в будущем. В сущности, это тонкая

уловка, аналогичная разработанной Чжоу Эньлаем в рамках формулы «одна страна, две системы».

Тем не менее именно так в конкретном виде ставится вопрос о демократии в рамках одной из линий реальных китайских дебатов. В другом тезисе об американской демократии, отстаиваемом Ван Хунином, вопрос о времени империалистической демократии в Китае ставится с опорой на аналогию с процессом централизации власти в США («Соединённые Штаты против Соединённых Штатов», 1991). Только при достижении определённой степени экономической концентрации, например, при образовании в Китае крупных групп, которые реально представляли бы множество провинций, а не просто являлись бы суммой местных филиалов государственных комбинатов, демократия в Китае не подвергалась бы риску разжигания гражданской войны, которая произошла в американском случае, и как это было в конечном итоге и во время китайской «культурной революции». То есть проблема степени «развития», необходимой для демократии, была поставлена в другой форме, вновь как *вопрос времени*.

Ван Хунин в настоящее время является членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК; таким образом, теории 1980-х и 1990-х годов достигли высших эшелонов власти китайского государства. В тексте 1991 года о Соединённых Штатах автор в значительной мере обращается к теоретическим разработкам Ленина об империализме и проводит аналогию между «акционерной собственностью современных американских корпораций» и американской «демократией участия», заключив, что она «усиливает централизацию» политической власти.

В книге «Политическая логика», опубликованной в 1993 году и переизданной Шанхайским народным издательством в 2016 году и используемой в китайских университетах, Ван утверждает, что «в капиталистических странах демократическая республика является лучшей политической оболочкой, но это не значит, что она единственно возможная». Мы снова видим, как этот автор пытается использовать классиков марксистской политической теории. Ван продолжает: «На самом деле некоторые государства принимают форму не демократической республики, а монархии или даже фашистской диктатуры». Таким образом, две возможные оболочки капитализма – это фашизм и демократия, но именно демократия – «лучшая политическая форма правления господствующего класса».

Ван перечисляет несколько возможных «комбинаций» между различными «типами государства» – рабовладельческим, феодальным или буржуазным – и различными «политическими формами» и заключает: «Хотя тип государства имеет решающий и доминирующий вес в [определении] отношения между типом государства и политической формой, политическая форма как проявление определённого типа государства также имеет большое значение для лучшей реализации задачи классового господства и консолидации стабильности государства».

Можно сказать, что, даже если отбросить вопрос о том, каким «типом»

государства является Китай, то есть какой правящий класс действительно находится у власти в этой стране – а именно китайская империалистическая буржуазия, – то проблема политической формы сохранится. «Вопрос о политической форме гораздо сложнее вопроса о типе государства и, если он не будет решён должным образом, то это вызовет кризис классового господства и социальные волнения».

Ван также приводит два примера из опыта западных держав. «Например, после Французской революции было создано государство с диктатурой буржуазии, и можно сказать, что проблема типа государства была решена. Но с 1789 по 1870 год [Франция] неоднократно экспериментировала с монархией, республикой и империей. И в течение этих 82 лет французское общество было беспокойным [...]. С другой стороны, если форма правления является более подходящей и устанавливается на длительное время, страна может прогрессировать и развиваться стабильно. В этом отношении хорошей иллюстрацией является положительный пример влияния установления британской конституционной монархии на развитие общества».

Это текст 1993 года. Французский опыт и английская практика подсказывали тогда следовать примату прагматизма. В некотором смысле даже решение Дэн Сяопина было своего рода коллективным вариантом «конституционной монархии», установленной Мао. Что несомненно и что нам интересно отметить в трудах ведущих китайских деятелей, так это постоянство теоретических размышлений о наиболее подходящих политических формах «классового правления».

В конкретной истории современной политической борьбы в Китае это в основном касается угрозы дробления буржуазных фракций, избегания опасности внешнего вторжения или зависимости от внешних сил вплоть до угрозы единству государства. В действительности основные теоретические конструкции, представленные китайских дебатах, различают три крупные фазы. В период между опиумными войнами и японским вторжением Китаю пришлось пережить столкновения с западными державами и империалистические разделы. Этот этап переплетается с этапом от гражданской войны до «культурной революции», когда Китай подвергался сильному внешнему влиянию и находился под угрозой распада. Наконец, в 1980-х и 1990-х годах начинается обратный процесс: возвращение Гонконга в состав Китая и параллельно фискальная и монетарная централизация. Китай вступает в ВТО и созревает как растущий империализм.

Дискуссия о степени централизации, необходимой для выражения такого плюрализма без подрыва эффективности самой централизации, является политической закономерностью в истории Китая. По мнению Чжэн Юннаня, опасность фрагментации уже миновала, что предполагает дальнейшее развитие политических форм. Речь, конечно, идёт не об академических дебатах, а о борьбе за политические формы новой державы, экспортирующей свои противоречия.

Хроники Шёлкового пути

Пекин дистанцируется от Москвы

Марксизм без труда может противостоять любым политическим культурам, в том числе наименее расположенным к концептуальным размышлениям. Марксизм не позволяет загнать себя в ловушку субъективистского видения и умеет диалектически возвращать любую политическую мысль на почву международной истории борьбы классов. Буржуазная идеология по природе своей космополитична, однако всегда нуждается в национальной истории, а потому является ограниченной. Мы уже знакомы с тезисами Чжан Вэйвэя из Университета Фудань в Шанхае, согласно которым китайская политическая культура исключительности не мешает изучать конкурента в лице США или, по крайней мере, справляется с этим лучше, чем культура американской исключительности, с позиций которой понять Дракона сложно. Кевин Радд, бывший австралийский премьер, имеет связи как среди американского, так и среди китайского истеблишмента; он пишет, что китайские официальные газеты помогают понять концептуальные рамки действий КПК, хотя американские руководители и предпочитают их игнорировать.

Непрозрачность китайской системы принятия решений лишь укрепляет Вашингтон во мнении, что «не стоит доверять» ничему, что пишет китайская официальная пресса, – это согласуется с «американской предрасположенностью соединять звенья цепи собственными силами» в поисках реальных стратегических намерений противника. По мнению Радда, часто это контрпродуктивно: в то время как китайские элиты постоянно держат руку на пульсе касательно англоязычных дебатов в Вашингтоне, американские не поспевают за ходом китайской дискуссии. Он добавляет: необходимость КПК общаться с 95 миллионами её членов предоставляет иностранным наблюдателям важные намёки в том, что касается видения, намерений и стратегических возможностей Китая, а также – наряду с другими источниками – освещает «фрагмент» внутриполитического противостояния в стране («The avoidable war», 2022).

Стратегическое терпение в отношении США

Линия Радда – ныне советника нового австралийского премьера Энтони Албанезе – нацелена на замедление китайско-американского соперничества. Критика американских политических предубеждений способствует этому, однако не привносит ничего такого, что не было бы знакомо нам благодаря многолетнему анализу китайского плюрализма. Сюда можно добавить также необходимость для китайской империалистической буржуазии продемонстрировать и направлять внутреннюю дискуссию в отношении других держав. Это подтверждает появившийся в *Global Times* сборник выступлений на Международном форуме мира в Пекине – там мы можем найти имена Ван Ивэя, Цзя Цинго, Ван Цзиси и Ву Синьбо, уже известных нам авторов книг и эссе.

Ву Синьбо, директор Центра американских исследований в Университете Фудань и автор книги «Китай и шахматная партия в Азиатско-Тихоокеанском регионе» (Шанхай, 2017),

подтверждает линию на «стратегическое терпение». Пекин призывает Вашингтон признать «законные тревоги» Китая, активно развивает отношения с третьими странами и накапливает дипломатические ресурсы; Китай должен обращать внимание на все американские инициативы, но не воспринимать их слишком серьёзно, поскольку они часто неэффективны, а иначе впустую растрастит собственные стратегические ресурсы и возможности. Американская стратегия будет всё больше определяться внутренней политикой; Вашингтон переоценивает собственные возможности и недооценивает Китай, однако это «нормально» – совершать ошибки, поскольку он имеет дело с восходящей державой, которая сильно отличается от него в политическом и культурном плане. Китай должен быть «стратегически терпелив».

Вашингтон знает Пекин больше, чем признаёт

Ван Цзиси, глава ранее более проамериканского течения китайского «мирного восхождения», трансформированного на XVIII съезде КПК с отходом от линии «тихой сапы», считает, что с началом войны на Украине американское правительство иначе посмотрело на Китай. По словам Дж. Стейплтона Роя, посла в Пекине при Джордже Буше – старшем и Билле Клинтоне, в начале конфликта некоторые функционеры в Вашингтоне ставили Китай и Россию на одну линию и считали, что Пекин является «сообщником» Москвы. Сегодня некоторые течения продолжают настаивать на такой оценке, однако де-факто США относятся к Китаю и России по-разному. Иными словами, «было оставлено подозрение, что Китай участвовал в планировании атаки на Украину». Китайское правительство и посол в США Цинь Ган неоднократно это повторили; на данный момент Китай не оказал значительной финансовой или военной помощи России, и «правительство США прекрасно это знает».

Ван косвенно полемизирует с линией китайской политики Штатов, предложенной Энтони Блинкеном, согласно которой китайская угроза преобладает над русской, а также поддерживает течения, которые видят в Китае «ревизионистскую» державу, согласно определению Фреда Бергстена. Цзя Цинго, ректор школы международных исследований в Университете Пекина и автор книги «Великая держава остаётся великой» (Шанхай, 2019), различает, с одной стороны, «либеральный мировой порядок», который с подачи Запада концентрируется на «таких идеологических ценностях, как индивидуальная свобода, права человека и демократия», и, с другой стороны, интерпретацию мирового порядка, продвигаемую восходящими державами, которая ставит акцент на «традиционных ценностях, таких как территориальная целостность, суверенитет, экономическое развитие и коллективная безопасность».

Китай и Индия – ревизионистские державы

По мнению Цзя, американо-китайское соперничество угрожает дестабилизировать не только «либеральный порядок», но и порядок, устраивающий новые державы, что откроет брешь для наступления «некоторых стран,

[которые] усматривают возможность бросить вызов традиционному мировому порядку». Здесь явно виден намёк на Россию, инициативы которой «нанесли дополнительный удар по международному порядку», поскольку поставили под вопрос территориальную целостность Украины и подтвердили практику использования военной силы, широко применяемую Штатами.

Можно заметить, что риторика Китая – это риторика державы унитарного империализма: «нынешний мировой порядок – по-прежнему лучший из тех, что когда-либо создавало человечество»; «используя консолидированные институты, государства защищают всемирно признанные ценности и принципы, такие как суверенитет»; «отчасти благодаря всему этому мы избежали ещё одной мировой войны». И затем ключевой тезис: новые державы могут быть «раздосадованы» особым «распределением благ» мирового порядка – то есть условиями нынешнего раздела мира, если использовать наши научные термины – «но не имеют ни малейшего намерения разрушить порядок в пользу международной организации силы образца XIX века». «Пока что восходящие державы, такие как Китай и Индия – которые чувствуют, что мировой порядок недостаточно уважает и внимает их голосу и интересам, – требуют всего лишь реформ, а не замены всего существующего мирового порядка». Конечно, «вероятно, что будущий мировой порядок будет располагать как старыми, так и новыми чертами», будет менее западным, «более инклюзивным» и более податливым для влияния новых держав. Тем не менее – это предложение Китая – его «устойчивость» будет зависеть от сотрудничества между великими державами.

Недооценённый русский синдром

Ван Ивэй, автор книги «Инициатива Пояса и Пути» (2016) и профессор Университета Жэньминь, связанного с Институтом Чунъян, предупреждает: когда Китай обстрелял острова Цюэмой в августе 1958 года, считалось, что полномасштабные бомбардировки Тайваня были согласованы с руководителями СССР, прибывшими с визитом в Пекин в июле; на самом деле китайское руководство никого не предупреждало. Когда Хрущёв поставил перед фактом, он «топал ногами от ярости и расстройств и проклинал Мао Цзэдуна»: «Владимир Путин сделал то же самое на Украине». Россия произвела впечатление, будто Китай её поддержал – «так же, как однажды Китай поступил с СССР».

Ван считает, что Запад недооценивает «русский синдром» Пекина, исторически связанный с экспансией казаков и царизма в направлении китайских территорий; Москва, со своей стороны, тоже некоторое время была «китайским синдромом», усилившимся в связи с экономическим превосходством Дракона. По словам Ван, мысль русской державы связана с концепцией «пространства», в то время как для тысячелетней китайской цивилизации имеет значение «время». Получается, Китай «более уверен в будущем», а Россия посчитала, что должна гарантировать доступ флота к Чёрному морю уже «в течение жизни нынешнего поколения». Китай извле-

кает выгоду из глобализации и «не нуждается в изменении статус-кво»; Россия никогда в полной мере не была интегрирована в мировой рынок и испытывает «чувство незащищённости». Скорее всего, именно США подталкивают двух крупных соседей к тому, чтобы встать «спина к спине».

Выступление мозговых центров

Институт международных исследований Шанхая (SIIS), связанный с Комиссией по внешним делам ЦК под руководством Ян Цзечи, и Центр международной стратегии и безопасности Цинхуа (CISS), основанный бывшим президентом Комиссии по внешним делам ВСНП Фу Инном, публикуют совместный доклад «Russia-Ukraine Crisis» (2022). «Будучи мозговыми центрами Пекина и Шанхая, [они представляют] разносторонние, но уравновешенные голоса, присутствующие в дискуссиях в Китае». Чжао Лун из SIIS отмечает «концептуальные различия» между Москвой и Пекином в том, что касается разрыва и трансформации международного порядка, и заверяет, что две державы не воспользуются украинской ситуацией, чтобы сформировать «единый антизападный фронт».

На протяжении истории, по мнению Чжао, попытки создать китайско-русский «союз» оказывались провальными – начиная с секретного соглашения 1896 года, направленного против Японии, и заканчивая договорами между Сталиным и Чан Кайши в 1945 году и между Сталиным и Мао в 1950 году. Поэтому Китай придерживается принципов «не-союзничества, не-конфронтации и не-направленности против третьих стран» в партнёрстве с Москвой.

Перед конфликтом Китай открыто поддержал Россию против расширения НАТО на восток в совместной декларации «пяти тысяч слов» Путина и Си Цзиньпина, но это не подразумевало «упрощённого принятия нарратива или аргументов России». Другими словами, хотя декларация заявляет, что «дружба между двумя государствами не имеет границ», границы у дружбы всё-таки имеются. Кацудзи Наказава, всплывший китаевед из *Nikkei*, считает, что это связано с понижением в должности Лэ Юйчэна, вице-министра иностранных дел Китая и одного из тех, кто расширял текст декларации – теперь Лэ доверили пост вице-президента Национального радио и телевидения.

На саммите в Самарканде Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) Владимир Путин был вынужден признать «беспокойства» и «уравновешенную позицию» Китая в отношении украинской войны.

Global Times настаивает, что Китай должен быть державой унитарного империализма, откладывающей кризис порядка: «достаточно мощной силой», чтобы «балансировать, успокаивать и даже переворачивать ситуацию в интересах мировой стабильности».

Между строк прослеживается оферта в адрес линии Бергстена в США, а в неопределённом будущем – в адрес Европы, если последняя будет готова это предложение принять.

Индия присоединяется к IPEF, но с оговорками

Девятого сентября в Лос-Анджелесе завершилась первая встреча министров стран-членов Индо-Тихоокеанской экономической структуры для процветания (IPEF). Выбор Западного побережья США в качестве места официального начала переговоров вполне закономерен. Как объясняет торговый представитель Соединённых Штатов Кэтрин Тай, «порт Лос-Анджелеса уже давно является главными воротами торговли между США и Азией». Отталкиваясь от этих уже существующих и весьма прочных отношений, Америка при помощи IPEF начинает трудную погоню за двумя крупными региональными соглашениями – Транстихоокеанским партнёрством (ТТП) и азиатским Всесторонним региональным экономическим партнёрством (ВРЭП), в которые США не входят.

Выверенная гибкость Индии

Белый дом сумел привлечь в проект IPEF 13 стран: Индию, Японию, Южную Корею, Австралию, Новую Зеландию, Фиджи и 7 членов АСЕАН (Индонезию, Филиппины, Вьетнам, Малайзию, Сингапур, Таиланд и Бруней). Когда Байден запуская IPEF в мае прошлого года, то сказал, что для того, чтобы добиться этого невероятного географического охвата, американскому правительству пришлось снизить требования к доступу. На данный момент по результатам встречи в Калифорнии подготовлено четыре министерских заявления, подтверждающих своеобразную архитектуру, основанную на четырёх независимых «столпах» (торговля, цепочки поставок, «чистая энергия», «справедливая экономика»).

В тексте изложены амбициозные и абстрактные цели переговоров: «надёжный экономический рост, устойчивый и инклюзивный», меры, приносящие пользу работникам и окружающей среде, повышение энергетической безопасности, противодействие коррупции и уклонению от уплаты налогов и т. д. Это только начало обширных переговоров, но уже есть предварительная политическая информация: почти все участвующие правительства подписали все четыре декларации, единственным исключением является Индия, которая отказалась от переговоров на тему торговли. Единодушное согласие других стран, по-видимому, указывает на то, что подход *à la carte* (на основе меню) был задуман в основном для обеспечения хотя бы частичного членства Индии. С другой стороны, Белый дом преподносит IPEF как экономическое оружие своей Индо-Тихоокеанской стратегии: очевидно, что отсутствие Индии существенно ослабило бы эту структуру.

Защита развития

В индийской прессе появляются обычные либеристские и протекционистские течения, между которыми всплывают те же самые противоречия, что возникли в 2019 году в связи с выходом страны из ВРЭП. По мнению *Business Standard*, «решение Индии выйти из торгового столпа IPEF неутешительно и отрицательно скажется на долгосрочных экономических перспективах». С другой стороны, как счита-

ет *The Hindu Business Line*, «Индия поступила правильно», потому что «она далека от того, чтобы принять условия, установленные в таких областях, как цифровая торговля, трудовые отношения, окружающая среда, чистая энергия», кроме того, IPEF не обещает «какой-либо материальной выгоды» с точки зрения тарифных уступок.

Различные китайские комментаторы благожелательно смотрят на Индию, которая демонстрирует, что она не слишком сильно страдает от американского влияния. *Beijing News* пишет: «[...] справедливо можно сказать, что IPEF споткнулась на первом же своём шаге, хотя действия Индии могут быть просто переговорной тактикой». Фактически правительство Индии заявляет, что продолжит участвовать в переговорах о торговле в качестве наблюдателя, но с перспективой полного членства. «Я не вижу больших трудностей», – заверяет министр торговли Пиюш Гоял в интервью *Hindustan Times*.

Можно сказать, что в официальном открытии IPEF правительство Нарендры Моди поучаствовало на три четверти, продемонстрировав свои партикуляристские – возможно, временно – интересы. Это похоже на сигнал, адресованный всем сторонам: Дели осторожно управляет своей степенью открытости, взвешивая потребности в развитии и амбиции большой континентальной державы, отсталость и потенциал индийского гиганта.

Остерегайтесь друзей

Гоял уточняет, что линия «Атманирбхар Бхарат» (самодостаточная Индия) правительства Моди «не означает, что мы против импорта; на самом деле мы всё чаще открываем двери для международной торговли» – это исторически необходимый процесс, без которого «мы не станем развитой страной». Как объяснял министр иностранных дел Субраманьям Джайшанкар в своей книге 2020 года «*The India Way*», споры ведутся не о необходимости открытия, а лишь о его сроках. «Индия далеко не отвернулась от мира, и на самом деле готовится к большему участию, но с лучшей подготовкой».

С другой стороны, развивающаяся Индия жаждет международного капитала. По словам Гояла, в этом и заключается истинная важность такого «стратегического партнёрства», как IPEF: «Тот факт, что вы являетесь союзником, другом, надёжным партнёром, будет становиться всё более важным для привлечения инвестиций из одной страны в другую». Именно это и есть в явном виде то предложение, которое правительство США выразило в формуле «френдшоринга». «Дружественным» странам, присоединившимся к IPEF, будет отдаваться предпочтение, когда американские транснациональные корпорации станут решать, как перенастроить цепочки поставок и куда инвестировать вместо Китая.

Предложение звучит заманчиво, но дружба Вашингтона переменчива, как и любой международный альянс. Например, «Inflation Reduction Act», подписанный Байденом 16 августа, не предусматривает стимулов для производителей электромобилей, не собирающих их в США, что является

очень сильным ударом по конкуренции, особенно со стороны Южной Кореи. Как пишет *Korea Times*, «"дядя Джо" нанёс удар в спину» руководству Hyundai, которому также была обещана возможность осуществлять миллиардные инвестиции в США.

Протекционизм в электоральных целях

Как и Сеул, Европейская комиссия также рассматривает правовые меры в ответ на дискриминационный и протекционистский шаг Вашингтона. Однако никто не надеется, что сможет убедить Белый дом изменить позицию до промежуточных выборов, которые состоятся в середине ноября. В остальном, именно внутривнутриполитические соображения до сих пор не позволяли администрации Байдена пойти самым простым путём – вернуться к соглашению ТТП, подписанному президентом Бараком Обамой и денонсированному его преемником Дональдом Трампом. На протяжении десятилетий на страницах нашей газеты мы демонстрировали, как внешнеполитический стратегический выбор США неоднократно и решающим образом попадал в зависимость от краткосрочных электоральных нужд. Совершенно логично обнаружить то же явление и в области управления торговой политикой.

Что касается фактического содержания IPEF и его конкретного потенциала, то любое суждение об этом пока преждевременно. Пока идёт стадия выработки проекта целей переговоров, как замечает Уильям Рейнш из Вашингтонского Центра стратегических и международных исследований (CSIS): «[...] большая неизвестность, конечно, заключается в том, принесут ли переговоры какие-либо значимые результаты». По мнению Рейнша, наиболее перспективными являются переговоры насчёт цепочек поставок, в то время как результаты в области чистой энергетики зависят от того, насколько «развитые» страны захотят финансировать переход «развивающихся». Аналогичная логика может быть применена и к анализу переговоров о торговле: «[...] излагается ряд благородных целей, которым трудно что-либо противопоставить, но вопрос о том, как они будут достигнуты [и кто покроет их экономические и политические издержки], остаётся открытым». «Ещё неизвестно, хочет ли администрация [Байдена] действовать прагматично и предлагать ощутимые выгоды для участников IPEF».

Прогресс в Азии

Между тем региональная интеграция с оттенком азиатизма, организованная во ВРЭП, сделала ещё один важный шаг вперёд: 30 августа произошла запоздалая ратификация соглашения парламентом Индонезии. Для значительной части участников – 10 стран АСЕАН, а также Китая, Японии, Южной Кореи, Австралии и Новой Зеландии – соглашение, подписанное в ноябре 2020 года, действует с января прошлого года. Теперь единственной столицей, которая должна завершить процесс ратификации соглашения на национальном уровне, – помимо Мьянмы, но это особый случай, – является

Манила. Правительство Филиппин ещё не получило зелёный свет от Сената, что отражает сопротивление, в частности, сельскохозяйственного и продовольственного секторов.

Индонезийская ратификация – это немаловажное достижение для ВРЭП, которое теперь может рассматривать на исторически ведущую страну АСЕАН, демографического гиганта с большими региональными амбициями. По словам министра торговли Зулкифли Хасана, ВРЭП – это «платная дорога для выхода на мировой рынок, и пришло время Индонезии пойти на штурм международных рынков». Редакционная статья *Jakarta Post* выражает облегчение: «[...] лучше поздно, чем никогда, и импульс ВРЭП всё ещё доступен для Индонезии». С начала года в индонезийских дебатах распространялись опасения, что даже несколько месяцев задержки могут привести к потере ценных возможностей в пользу других конкурентов из АСЕАН. Это можно рассматривать как намёк на то, что мировое противостояние, в том числе на фронте торговли в Азии, приобретает всё более ускоряющиеся темпы и что пространства остаётся всё меньше.

Тщетные балансировки

За исключением США, Индии и Фиджи, все страны, участвующие в проекте IPEF, входят и в соглашение о свободной торговле ВРЭП. По словам Амитенду Палита, индийского экономиста из Института южноазиатских исследований Национального университета Сингапура, столь широкое географическое совпадение «показывает, что эти экономики стремятся извлечь выгоду из обоих контекстов». Не следует рассматривать IPEF и ВРЭП как «блоки стратегического влияния для США и Китая соответственно». IPEF с его «экспериментальным подходом» не является обычным соглашением о свободной торговле и, следовательно, может дополнять ВРЭП. Азиатские страны, участвующие в обеих инициативах, могут действовать параллельно, получая «преимущества доступа к рынку, предлагаемые ВРЭП, и вместе с тем создавать новые стандарты, предлагаемые IPEF в передовых областях».

Эти оптимистические формулы, нацеленные на поиск равнозначной близости к крупным соперникам – США и Китаю, – а также Японии и Индии, часто встречаются в размышлениях об области АСЕАН. Премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун посоветовал Вашингтону пригласить в IPEF Пекин. Китайцам, конечно, это нравится: неудивительно, что *China Daily* продвигает тезис Палита, печатая статью под заголовком «IPEF и ВРЭП: не обязательно соперники». На абстрактном уровне это так, но при переговорах о пошлинах и стандартах на карту поставлены определение сфер влияния и раздел рынков, и никакая взаимодополняемость не сможет отменить соперничество между империалистическими державами. Не существует многополярного баланса, который мог бы гарантировать устойчивость мирового порядка.

Мировое сражение в автопроме

Конкурирующие стратегии в электрическом будущем

«Volkswagen и BMW выбирают разные пути развития платформ для достижения целей в области электрификации» (Automotive News, 10.09.2020).

Стратегия Volkswagen

Для электрификации автомобилей производители могут использовать две стратегии: одна основана на создании специальных платформ для электромобилей, а другая – на внедрении аккумуляторных электрических или гибридных силовых агрегатов в уже существующие платформы. Два этих пути могут быть описаны на примере выбора, сделанного двумя немецкими автопроизводителями: Volkswagen Group (VW) и BMW Group.

VW располагает пятилетним инвестиционным планом в размере 159 млрд евро (180 млрд долл.), 52 млрд из которых предназначены для производства электромобилей. К концу 2026 года почти четверть её продаж будет приходиться исключительно на электромобили (Automotive News, 09.12.2021).

Стратегия Volkswagen по совместному использованию платформ её предприятиями будет применяться и к электромобилям; она проистекает из необходимости унифицировать то, что находится под кузовами двенадцати брендов конгломерата. Таким образом, VW достигла, казалось бы, противоречащих друг другу целей – снижения производственных затрат и одновременной диверсификации продукции. Это применение немецких технологий и организации к слоановскому принципу “один автомобиль на любой вкус и кошелек”. Пятьдесят различных моделей будут производиться на основе единой модульной электрической платформы (Modulare Elektrifizierungsbaukasten, MEB).

«Эта платформа является сердцем и душой всего, что Volkswagen будет делать в будущем для легковых автомобилей», – заявил менеджер FEV Consulting Йоханнес Бухманн (Financial Times, 30.01.2019). Для Бухманна речь идёт не только о разработке новой платформы, но и о реорганизации производства всей автомобилестроительной компании и цепочки поставок, на основе которой она функционирует. Благодаря глубокой реорганизации, начатой после дизельгейта, VW намеревается стать мировым лидером не только в производстве электромобилей, но и в индустрии 4.0.

MEB – это платформа, разработанная исключительно для электромобилей, а не платформа для автомобилей с двигателями внутреннего сгорания, модифицированная для установки аккумуляторов. Амбициозная цель VW состоит в том, чтобы сделать MEB стандартом для автомобильной промышленности всего мира, на который должны ссылаться все другие группы, либо используя его для лицензионной сборки своих автомобилей, либо подражая ему. Ожидается, что с 2022 года для производства электромобилей восемь заводов VW на трёх континентах будут использовать MEB, а к концу 2026 года производят на её базе 3 млн автомобилей, что составит четверть от прогнозируемого общемирового производства.

Наряду с разработкой и продвижением новой платформы VW реорганизовывает свои заводы, чтобы резко сократить количество часов, необходимых

для сборки автомобиля, что позволит снизить производственные затраты на 35 %. Сегодня, чтобы собрать автомобиль с двигателем внутреннего сгорания, VW требуется от 26 до 32 часов; на сборку электромобиля на основе MEB потребуется всего 16 часов. Конечная цель заключается в том, чтобы в течение нескольких лет довести этот показатель до 10 часов. Это позволило бы VW запустить недорогую электрическую модель уже в 2023 году по цене всего 18 тыс. евро, что составляет треть от нынешних 55 тыс. евро, за которые в Германии продаётся Tesla Model 3.

Стратегия BMW

BMW Group выбрала другую стратегию, заключающуюся в использовании существующих платформ и адаптации их к электрическим двигателям, как гибридным, так и с аккумуляторным питанием, и будет продолжать использовать эти платформы для производства автомобилей с бензиновым и дизельным двигателями (Euractiv.com, 08.11.2019).

Причинами такого выбора являются неопределённые перспективы. Что победит – автомобиль с аккумулятором или гибридный? Что, если о себе заявит топливный элемент? И как быть с двигателями внутреннего сгорания, которые всё ещё возможно технически усовершенствовать, чтобы соблюсти правила по сокращению выбросов CO₂? Так, например, обстоит дело с новым дизельным двигателем, сертифицированным по стандарту “Евро-7”, о котором объявил президент Stellantis Карлос Таварес. Этот двигатель будет производиться с 2023 года на заводе в коммуне Пратола-Серра (провинция Авеллино, Италия) (Quattroruote, 30.01.2022).

Если VW использует агрессивную стратегию с опорой на свою технологическую и управленческую мощь – как продемонстрировала его способность покрыть стоимость дизельгейта в 30 млрд евро, – то стратегия BMW основана на иной оценке риска: никто не знает, какой двигатель победит, каковы будут последствия внедрения аккумуляторных технологий и достижения в этой области, каково будущее двигателей, работающих на водороде или топливных элементах и какие усовершенствования претерпят дизельные или бензиновые двигатели в ближайшие два десятилетия. Генеральный директор BMW Оливер Ципсе считает, что до тех пор, пока доля электромобилей будет сохраняться на уровне ниже 10-процентной отметки от совокупного европейского рынка автомобилей, изменение промышленных структур для перехода на полностью электрический автомобиль будет слишком дорогостоящим.

Исторические примеры говорят в пользу стратегии BMW: они показывают, что старые технологии нелегко уступают место новым и что между ними существует промежуточный период конкурентного сосуществования. Этот феномен получил название «sailing ship effect» (эффект парусника) и был описан С. К. Гилфилланом в его исследовании “Inventing the Ship”, опубликованном в 1935 году. В XIX веке, когда было введено паровое судоходство, парусные суда ответили на новый вызов, внедрив за 50 лет такое

количество технологических усовершенствований, которое превосходило то, что было введено на протяжении предыдущих трёхсот лет.

Основываясь на тезисах Гилфиллана, Арнольд К. Купер и Дэн Шендел в их статье 1976 года “Strategic Response To Technological Threats” исследовали некоторые случаи конкуренции между “старыми” и “новыми” технологиями: вакуумные трубки против транзисторов, паровоз против тепловоза, угольные котлы против ядерных реакторов, механические бритвы против электрических бритв, винтовые самолёты против реактивных двигателей. Они пришли к выводу, что после внедрения новой технологии старая технология продолжает совершенствоваться, достигая наивысшего уровня развития, пока не вытесняется полностью несколькими десятилетиями позже (Calabrese G., “The Greening of the Automotive Industry”, 2012).

Среди автопроизводителей, которые выбрали ту же стратегию, что и VW, присутствуют Hyundai, Mercedes и General Motors, в то время как стратегии BMW последовали Renault-Nissan, Jaguar Land Rover, Stellantis и Toyota.

Toyota и Stellantis

Глава Toyota Акио Тоёда заявил инвесторам, что, поскольку невозможно получить все доли рынка, компания готовится разработать как можно больше вариантов для своих клиентов по всему миру (Financial Times, 30.12.2021). Руководство японского автопроизводителя заявило: «Мы не пытаемся предсказать будущее, а стараемся добиться успеха вне зависимости от него. [...] У вас должно быть несколько вариантов». Как и BMW и Stellantis, Toyota не спешит с головой окунуться в гонку по разработке моделей с аккумуляторами.

Британская финансовая ежедневная газета пишет, что эти автопроизводители беспокоятся не о направлении движения – все трое планируют продать значительное количество электромобилей в течение следующего десятилетия, – а о скорости изменений. Среди определённых групп в автомобильном секторе и производителей из их цепочек поставок растёт сопротивление быстрым темпам электрификации автомобилей, навязываемым правительствами. Одним из аргументов, который используют эти компании, является неравенство в доходах внутри промышленно развитых стран и между ними и “развивающимися” странами. Утверждается, что электромобиль станет роскошью для социальных групп со средними и высоким доходом. VW хочет опровергнуть этот тезис, создав электромобиль стоимостью 18 тыс. евро.

С точки зрения Toyota, в то время как мы будем наблюдать электрификацию автомобилей в промышленно развитых странах и Китае, остальной мир по-прежнему будет пользоваться автомобилями с двигателями внутреннего сгорания из-за отсутствия зарядной инфраструктуры. Директор по продажам BMW Питер Нота придерживается того же мнения: поскольку к 2030 году не будет гарантировано достаточного доступа к зарядным станциям для всех автомобилей во всём мире, важно продолжать предлагать автомобили с двигателем внутреннего сгорания.

Карлос Таварес придерживается той же точки зрения, полагая, что до-

полнительные затраты на электрификацию исключают «средний класс» с рынка электромобилей: «Электрификация [автомобиля] сопряжена с дополнительными затратами в размере 50 % [...], невозможно передать 50 % дополнительных затрат конечному потребителю, потому что большинство представителей среднего класса не смогут заплатить эту сумму».

Mercedes-Benz и Bosch

Согласно расчётам консалтинговой компании AlixPartners, в течение следующих пяти лет автомобильная промышленность планирует потратить 330 млрд долл. только на технологии аккумуляторных электромобилей. Однако дополнительные затраты, связанные с разработкой электромобилей, будут продолжать оказывать давление на цены. Больше всего это повлияет на нижний сегмент рынка.

Mercedes-Benz, лидер в производстве автомобилей премиум-класса, не беспокоится об этом: соглашаясь с тем, что самые состоятельные потребители первыми купят электромобили, компания считает, что от этого её тип производства только выиграет. Её босс Ола Келлениус заявил Financial Times, что профиль клиентов Mercedes-Benz с высоким доходом ставит его компанию в хорошие условия в этой гонке электрификации. Это всегда происходило с каждым новым продуктом, выводимым на рынок: до распространения на все уровни доходов за счёт снижения затрат посредством применения эффекта масштаба он был доступен лишь классам с более высокими доходами.

Генеральный директор Bosch Фолькмар Деннер присоединяется к стратегии BMW: «Автомобили с современными дизельными двигателями выделяют не больше оксида азота, чем другие автомобили, а выбросы твёрдых частиц бензиновыми двигателями были сокращены в 100 раз. [...] Это было бы невозможно, если бы мы прекратили инвестировать в эти технологии».

Bosch и другие подобные компании утверждают, что постоянное развитие ими технологий двигателей внутреннего сгорания играет фундаментальную роль в борьбе с изменением климата. Поскольку в ближайшие десять лет подавляющее большинство водителей по-прежнему будет управлять транспортными средствами, работающими на бензине или дизельном топливе, сокращение выбросов от двигателей внутреннего сгорания будет иметь основополагающее значение для борьбы с выбросами CO₂. Поэтому Деннер повторяет, что необходимо продолжать инвестировать в эти двигатели.

Даже если правительства намерены ускорить электрификацию автомобилей с помощью жёстких правил, в ближайшие десятилетия «sailing ship effect» всё ещё оставит в мире возможности для развития технологий, связанных с двигателями внутреннего сгорания. Борьба между новым электродвигателем и старой технологией будет очень жёсткой: автопроизводители вступят в ожесточённую войну, выбирая между двумя конкурирующими стратегиями – «полностью электрической» и «оставляющей варианты».

Атомные станции и газопроводы

В августе инфляция в Италии достигла 8,4%, самого высокого уровня с 1985 года; темпы подорожания так называемой «потребительской корзины» (основные покупки домохозяйств) достигли 9,4%, самого высокого уровня с 1984 года. С тех пор прошло почти 40 лет, и целые поколения рабочих сталкиваются с подобной инфляцией впервые.

Но нам придется как можно скорее привыкнуть реагировать на это, иначе покупательная способность заработных плат начнет резко падать. Если почасовая заработная плата растет в среднем примерно на 1% в год, как оценивает ISTAT, то легко подсчитать темпы.

Двойной удар инфляции

Снижение покупательной способности – лишь одна из проблем, с которыми сталкиваются работники в результате инфляции. Другое дело – влияние на производственную систему, особенно в тех отраслях, которые оказались в затруднительном положении из-за роста стоимости энергии, поскольку являются крупными потребителями: от обработки цветных металлов (алюминия, цинка, меди) до производства стекла, от керамики до производства бумаги, от химической промышленности (удобрения) до черной металлургии (за первые семь месяцев года производство в Европе упало на 12%).

Это обострение происходит на фоне застарелых кризисов и долгосрочных проблем, вызванных электрической и цифровой реструктуризацией, например, в автомобильном секторе.

Соотношение сил и парламентаризм

В результате складывается сложная ситуация, в которой придется вести необходимую борьбу за защиту условий жизни трудящихся. Но одно можно сказать наверняка: сама возможность этой борьбы зависит от соотношения сил.

В годы большой инфляции и реструктуризации, на рубеже 1970-х и 1980-х годов, Роберто Казелла писал: «В борьбе между классами важно соотношение сил; это особенно верно для пролетариата в его противостоянии капиталу. Баланс сил не является постоянным, а развивается по чередующейся, циклической схеме, характеризующейся расширением и сокращением промышленной резервной армии». Имея дело с различной динамикой, «пролетарская профсоюзная организация» проверяется в своей «способности организовывать как в фазах нападения, так и обороны».

Однако эта профсоюзная организация находится в руках «бюрократического аппарата», лишённого «классовой логики», в результате чего «экономическая организация рабочих превращается в придаток парламента, лишенный нервов, управляемый в соответствии с диктатом парламентаризма». Это был май 1979 года, канун выборов, такой же, как сентябрь 2022

года. Сегодня, как и тогда, отдавать себя в руки парламентских партий, какого бы цвета они ни были, – это путь к верному поражению.

Социальные изменения и классовая борьба

В Европе нет недостатка в примерах борьбы за заработную плату, о чем мы рассказывали на этих страницах. В частности, в Англии, где инфляционная динамика приобрела впечатляющий размах, уже говорят о «лете недовольства»: железнодорожники, докеры, учителя, медсестры призывают к забастовкам.

Это реальность, которая касается всех трудящихся в Европе. Именно поэтому на встрече 12 сентября в Испании между делегатами ArcelorMittal из Генуи и Авилеса было предложено создать Европейскую координацию производственных советов сталелитейной промышленности и обсуждалась «необходимость мобилизации на европейском уровне для забастовок на основных заводах». Неоспоримая перспектива, однако сложная в нынешнем положении классового движения.

В статье от 23 июня *Le Monde* смягчила сравнение с «зимой недовольства» 1979 года: тогда британские профсоюзы насчитывали 13 миллионов членов, сегодня – 6,5, 60% – в государственном секторе; в 1979 году из-за забастовок было потеряно 30 миллионов рабочих дней, сегодня – менее 300.000 за год.

Опять же Казелла во введении к книге «La crisi sindacale degli anni Ottanta» («Профсоюзный кризис 1980-х») напоминает, что «успехи 1970-х годов зиждились на удачах государственного капитализма, горячим и верным сторонником которого была профсоюзная бюрократия». Последующий либеральный цикл уменьшил вес этой бюрократии. В Англии определенную роль сыграли законы, введенные для ограничения права на забастовку, навязывающие предварительное проведение референдума среди членов профсоюза и запрещающие забастовки солидарности с другими компаниями.

Но картина была бы неполной, если не учитывать, что во всех империалистических метрополиях наблюдается влияние социальных изменений последних десятилетий, с распространением семей с несколькими доходами и накоплением собственности, материальных рычагов того массового индивидуализма, который также ограничивает способность профсоюзов реагировать.

«Сырье» первой необходимости

Однако в числе произошедших социальных изменений нужно учитывать и демографический спад, который уже давно стал реальностью. В этом кроется основной корень нехватки рабочей силы в развитых странах. И это фактор, который может сыграть на руку наемным работникам в оборонительной борьбе из-за нехватки этого необходимого «сырья».

В Германии, где дефицит ощущается наиболее остро, это считается «проблемой номер один для экономического роста» (*Il Sole-24 Ore*, 26 августа). Поэтому нет недостатка в «гениальных идеях» для решения

В Европе происходят вещи, которых не видели за последние восемьдесят лет. Газопроводы Nord Stream взрываются под Балтийским морем. Во взрывах обвиняют русских, но в Варшаве звучат и поздравления в адрес американцев. И, разумеется, взорваны все пятьдесят лет немецкой Ostpolitik, от Вилли Брандта до Ангелы Меркель; Германия и Европа почувствовали собственную стратегическую недостаточность.

Ещё раз: возможно ли, что война на Украине перерастёт в применение атомного оружия? Совсем не исключено, говорят в кабинетах. Между тем, ядерное оружие уже находит себе одно из применений: его используют политически в виде стратегических угроз и контругроз. Москва аннексировала республики Донбасса и полосу территории перед Крымом, часть того, что когда-то было «Новороссией» Екатерины Великой. Отныне, угрожает Путин, это национальная территория, жизненно важный интерес, который будут защищать всеми способами, даже с помощью бомбы. Вашингтон предупреждает, что ответом станет удар по российским силам на Украине. В этом случае прокси-война между НАТО и Россией превратится в открытую войну. В качестве прецедента вспоминают кубинский кризис шестьдесят лет назад, но сегодня ситуация хуже: пушки уже громят.

Таков наш мир сегодня, и трагедия в виде полноценной войны является частью цикла кризисов и напряженности, который будет усугубляться всё следующее десятилетие в Европе и Азии. В Италии, напротив, разыгрывается трагикомедия фальшивой войны между партиями при очередном подсчёте голосов избирателей. Джорджа Мелони берёт Север, разгромив Лигу и Forza Italia. «Пять звезд» также получили в два раза меньше голосов, но укореняются в качестве партии Юга. ПД не прикасается к мячу, несмотря на миллионы неопределившихся избирателей. Абсентеизм вырос до 40%: двое из пяти не клюют на их политику. Этого недостаточно. Классовый абсентеизм – это первый шаг, но в мире, где бушует война, необходимо нечто большее. Необходимо сделать выбор: интернационалистская и коммунистическая оппозиция войне требует личного участия в борьбе.

этой проблемы: законодательное повышение пенсионного возраста, убеждение работников оставаться на работе дольше, даже гипотеза об увеличении рабочей недели до 42 часов!

В действительности же, невозможно избежать единственного «ресурса», доступного для заполнения дыр, созданных нехваткой рабочей силы: иммиграции. Это будет камнем преткновения, с которым столкнется любая буржуазия, какое бы правительство ее ни представляло. По всей Европе в 2021 году количество видов на жительство для граждан стран, не входящих в ЕС, вернулось к уровню до пандемии – почти 3 миллиона. В Италии их было 274 тысячи, с одной аномалией: только 18,5% имеют разрешение на работу, против 45,2% в среднем по ЕС (*Il Sole-24 Ore*, 29 августа). Есть несколько категорий бизнеса, которые призывают к расширению следующего «декрета о потоках». Вне предвыборных кампаний в защиту идентичности этого не удастся избежать и новому итальянскому правительству.

Стратифицированный класс

Это другая сторона изменений, которая, запуская восходящее социальное движение, открывает пространство для проникновения низкоквалифицированного, низкооплачиваемого труда, пространство, которое в основном занимают рабочие-иммигранты.

В отчете ISTAT от 15 июня отмечается, что уровень абсолютной бедности в семьях «рабочих и ассимилированных» (рабочая беднота) составляет 13,3%, что

почти вдвое больше, чем в итальянских семьях (7,5%). Но даже это средний показатель: абсолютная бедность, рассматриваемая как невозможность приобретения товаров и услуг, необходимых для «минимально приемлемого уровня жизни», касается 30,6% всех семей, состоящих только из иностранцев (5,7% семей, состоящих только из итальянцев). Причем страдают в основном дети: семьи иммигрантов с детьми бедны в 36,2% случаев.

Многоплановое обязательство

Хотя на более детальном уровне бедность существует и в итальянских семьях с детьми: например, в неполных семьях с несовершеннолетними она составляет 11,5%.

Часто речь идёт о матерях-одиночках, которые вынуждены работать неполный рабочий день, чтобы успеть выполнить все свои обязанности. Это явление также вызвано социальными изменениями, которые изменяют форму семьи и усиливают процесс стратификации в мире наемных работников.

Борьба за независимость и единство нашего класса – это тяжелая задача. Она начинается с отказа от любых остаточных иллюзий относительно парламентаризма и государственного обеспечения. Вместо этого требуется многогранная личная и коллективная активность, направленная на защиту заработной платы, занятости, но также и достоинства жизни наиболее уязвимых слоев населения.

Октябрь 2022 г.

Синтетический каучук в военной экономике США

«Государственная собственность на производительные силы не разрешает конфликта, но она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения. Это разрешение может состоять лишь в том, что общественная природа современных производительных сил будет признана на деле и что, следовательно, способ производства, присвоения и обмена будет приведён в соответствие с общественным характером средств производства»¹.

Война и наука

В форме военной экономики капиталистический способ производства демонстрирует условия своего преодоления, поскольку он временно отстраняет от дел рынок и подчиняет общественные производительные силы единственной цели – военной победе. В то же время война является результатом неспособности мирового капитализма преодолеть свои противоречия. В эпоху империализма и войн индустриализация науки неизбежно ставится на службу конкуренции между державами. Завтра, когда существующие классовые отношения будут сломлены и господство капитала прекратится, общество сможет измениться до того, как взрыв противоречий приведёт к новой войне; для человечества это станет окончанием его предыстории, а наука – мощный инструмент связи человека и природы – будет поставлена на службу миру.

История создания синтетического каучука и отношений между Standard Oil и IG Farben до и во время второй мировой войны сложна и отчасти до сих пор остаётся неизвестной: многие секреты заперты в архивах американских, немецких и британских нефтяных, химических и каучуковых компаний.

При написании статьи использовались следующие источники: V. Herbert, A. Bisio, "Synthetic Rubber: A Project that Had to Succeed" (1985); P. Maltese, "La gomma del governo: come gli americani vinsero la guerra" (1999); J. Borkin, "Die unheilige Allianz der I. G. Farben" (1990); R. Sasuly, "IG Farben" (1947); J. J. Lador-Lederer, "Capitalismo mondiale e cartelli tedeschi tra le due guerre" (1959); D. J. Forrester, "The Story of Monsanto" (1977); G. D. Taylor, P. E. Sudnik, "DuPont and the International Chemical Industry" (1984); W. J. Reader "Imperial Chemical Industries" (1970). American Chemical Society, "Chemistry" (1973); F. Aftalion, "Histoire de la chimie" (1988); J. Borkin, "The Crime and Punishment of I. G. Farben" (1978); P. Hayes, "Industry and Ideology" (1987); L. F. Haber, "The Chemical Industry" (1971); D. Whitehead, "The Dow Story" (1968); D. A. Hounshell, "Science and Corporate Strategy" (1988); J. P. Daviet, "Saint-Gobain" (1989); Karl Winnacker, "Nie den Mut verlieren. Erinnerungen an Schicksalsjahre der deutschen Chemie" (1971); L. Morandi, G. Pantini, "Dialogo sull'industria chimica" (1982); G. L. Huber, K. Menzi, "The Story of Chemical Industry in Basel" (1959); T. I. Williams, "The Chemical Industry" (1953); L. C. Bary, "Les textiles chimiques" (1978); D. C. Coleman, "Courtaulds" (1969); T. I. Williams, "A History of Technology" (1978).

Вопрос интеллектуальной собственности

В августе 1939 года в США по рекомендации Совета по вооружению армии и флота (ANMB) был создан Совет по во-

енному производству (WPB), функция которого заключалась в разработке плана мобилизации промышленности для военных целей.

1 мая 1940 года заместитель государственного секретаря США Самнер Уэллс (1892–1961) указал президенту Франклину Д. Рузвельту на скверное состояние стратегических запасов, особенно каучука, и предложил создать запасы, финансируемые Reconstruction Finance Corp. (RFC) – правительственным агентством, созданным в 1932 году для финансирования банков и промышленности, пострадавших от Великой депрессии, начавшейся в 1929 году. С началом войны в Европе, первым актом которой стало вторжение Германии в Польшу 1 сентября 1939 года, американский Совет национальной обороны (CND) приступил к изучению вопроса о целесообразности применения синтетического каучука.

В качестве меры предосторожности, чтобы избежать конфискации немецкой собственности IG Farben в США, IG Farben и Standard Oil договорились в Гааге 22 сентября 1939 года о передаче 2 тыс. патентов компании JASCO – совместному предприятию двух групп, где они имели равные доли собственности. Согласно соглашению, Standard Oil получала полный контроль над JASCO и американским объединением Standard-IG, а также эксклюзивное право на использование патентов в США и на территории союзников; IG Farben, в свою очередь, наделялась правом использования патентов во всех других странах.

Несмотря на первоначальные возражения против соглашения, 12 октября 1939 года высшее командование Германии и Министерство экономики дали письменное согласие IG Farben на разрешение Standard Oil использовать патент Buna-S (синтетический каучук) в США. Гаагское соглашение, подписанное 18 октября, было датировано 1 сентября – через два дня Англия и Франция объявили войну Германии. Поскольку США ещё не находились в состоянии войны, правительство Германии стремилось избежать захвата немецкой собственности в Америке.

Рузвельт объявил каучук «стратегическим материалом», и в июне 1940 года была учреждена финансируемая средствами RFC Каучуковая резервная компания (RRC) для накопления запасов этого материала и контроля выработки сырья, необходимого для производства синтетического каучука. В ноябре 1940 года National Defense Research Committee и RFC предложили химическим, нефтяным и каучуковым компаниям представить свои проекты и сотрудничать друг с другом, что было сопряжено с трудностями, поскольку сразу же проявилось их противодействие объединению по вопросу «интеллектуальной собственности», то есть патентов. Патент на Buna-S принадлежал Standard Oil: столкнувшись с сопротивлением нефтяной компании, которая не хотела делиться им с другими, в начале 1941 года антимонопольный отдел министерства юстиции обвинил Standard Oil в сговоре с IG Farben с целью пре-

пятствования производству синтетического каучука в США.

Финансы и наука на службе правительства

7 декабря 1941 года нападение японцев на Пёрл-Харбор втянуло США в войну. В ответ на расследование Министерства юстиции Standard Oil представила военному министерству аргумент, что судебные разбирательства компании лишь отвлекут от военных действий. Для американских военных нефть и каучук были важнее судебных процессов, поэтому 20 марта 1942 года военный министр и министр военно-морских сил попросили президента Рузвельта вмешаться. Следствием этого стало прекращение президентским указом всех судебных разбирательств против нефтяной компании. Суд был отложен до окончания войны.

Относительно патента Buna-S было найдено следующее решение: правительство конфисковало JASCO и Standard Catalytic Company (новое название совместного предприятия Standard-IG), чьи патенты перешли к RRC, которая, в свою очередь, передала их в Alien Property Custodian – правительственный департамент, управлявший вражеским имуществом. Это позволило другим американским химическим, нефтяным и каучуковым компаниям бесплатно использовать немецкие патенты без получения права собственности на них: они оставались под опекой правительства.

В августе 1942 года Рузвельт создал Rubber Survey Committee – комитет по расследованию каучукового кризиса: во главе комитета стоял финансист Бернард М. Барух (1870–1965), в его состав входили учёные Джеймс Б. Конант (1893–1978), президент Гарвардского университета, и Карл Т. Комптон (1887–1954), президент Массачусетского технологического института.

Было рекомендовано построить 51 завод по производству синтетического каучука, поскольку, по словам Баруха, «если мы не сможем быстро производить большое количество синтетического каучука, наши военные усилия и наша экономика потерпят крах». К работе были привлечены исследовательские группы из ведущих университетов и американских каучуковых, нефтяных и химических компаний. Синтетическому каучуку было присвоено кодовое название GR-S (Government Rubber-S, правительственный стирольный каучук).

От виски к синтетическому каучуку

Элементами Buna-S являются бутадиен (75 %) и стирол (25 %). Бутадиен можно получить из нефти или из алкоголя. Поскольку мощности по производству из нефти ещё не были подготовлены, 7 января 1942 года WPB указал отрасли, занимающейся дистилляцией виски, перенаправить 60 % своих мощностей по ферментации зерновых на выработку бутадиена. В 1943 году 83 % бутадиена было получено из спирта: наука и промышленность превратили сельскохозяйственные продукты в оружие войны. В последующие годы бутадиен получали в основном из нефти и из природного газа.

Построенные заводы принадлежали государству, которое покупало синте-

тический каучук у использовавших эти мощности частных компаний по фиксированным ценам. В общей сложности правительство США профинансировало проекты на сумму 700 млн долл., что на сегодняшний день эквивалентно примерно 13 млрд. В проекте приняли участие 65 крупных промышленных компаний, включая Goodyear, Goodrich, Firestone, US Rubber, Hydrocarbon Chemical and Rubber, Standard Oil, Celanese, Carbide & Carbon, Dow Chemical, Dupont, Monsanto, Cities Service, Humble Oil, Neches Butane, Phillips Petroleum, Sinclair Oil, Shell Union, Socal и Sun Oil.

Это гигантское промышленное начинание по сложности планирования, логистики, координации и исполнения сравнивают с «Днём Д» – высадкой союзников в Нормандии 6 июня 1944 года. Производство синтетического каучука для нужд американских военных стало полностью функционировать через всего лишь 30 месяцев после нападения на Пёрл-Харбор: в обычное время на создание этой отрасли потребовалось бы не менее 12 лет. К 1944 году 51 американский завод, возникший практически из ничего, производил синтетический каучук в объёмах, вдвое превышающих всё довоенное производство натурального каучука в мире. В 1941 году 99 % потребностей США в каучуке удовлетворялось за счёт натурального каучука, в 1945 году 85 % уже покрывал синтетический каучук.

В обстоятельствах колоссальной трагедии второй мировой войны «частная интеллектуальная собственность» на патенты стала «общественной собственностью». Чтобы победить Германию и Японию, американский капитализм должен был отречься от самого себя и временно упразднить рынок, ускоряя развитие производительных сил. Этот пример раскрывает конкретную возможность перехода человечества к более высокой форме социальной организации.

Октябрь 2019 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 290.

Guido La Barbera

Lotta Comunista: in direzione della strategia. 1953-1965

324 страницы, мягкий переплёт,
биографический справочник,
9 иллюстраций по тексту.
ISBN 978-5-9905528-4-5

Цена 350 руб.

“Война физиков” за первые атомные бомбы

Первая плутониевая бомба была испытана 16 июля 1945 года в пустыне Нью-Мексико; вторая была сброшена 9 августа на город Нагасаки, через три дня после первой урановой бомбы, которой был нанесён удар по Хиросиме.

Уран и плутоний: два пути к бомбе

Две атомные бомбы, одна начинённая обогащённым ураном, другая с плутонием, стали двумя альтернативными решениями на пути к созданию самого разрушительного оружия в истории человечества. Именно в рамках этих двух возможных путей во время второй мировой войны шла «война физиков», как называет её Джим Бэгготт в своей книге «Тайная история атомной бомбы»¹.

История создания первого атомного оружия – это витиеватая сеть трагических и захватывающих событий, в которой промышленность, наука, инженерия, военный аппарат, секретные службы и правительства являются героями триллера, выдумать который не мог бы ни один писатель. На эту тему написаны десятки книг, содержащие различные интерпретации событий. Что побудило американское правительство приступить к гигантскому проекту, который потребовал промышленных сил, сопоставимых с созданием целой автомобильной промышленности, если на момент начала войны реальные возможности атомной бомбы ещё никоим образом не были доказаны? И почему Германия не достигла тех же результатов, что и Соединённые Штаты?

Однако если учесть стартовые условия, когда в распоряжении учёных было всего несколько граммов расщепляющегося материала и теории, ещё не подтверждённые практическим применением, история атомной бомбы демонстрирует гигантские возможности индустриализации науки. Сегодня она подчинена интересам противостоящих друг другу великих держав, а завтра, когда общество преодолеет историческую фазу капитализма, будет стоять на службе человечества.

Вторая мировая война разрушила мнимое международное сообщество учёных, и, за редким исключением, физики заняли сторону в соответствии с интересами своих стран: немцы – Германии, англичане – Англии, американцы – США. Немецко-еврейские ученые – это отдельный случай: во время первой мировой войны они внесли фундаментальный «патриотический» вклад в немецкое производство взрывчатых веществ с использованием синтеза азота; во второй, из-за нацистского антисемитизма, почти все они перешли на службу Англии и США. То же самое относится и к еврейским учёным из других стран.

Что касается научных основ урана U-235 и U-238, плутония 239, отделения U-235 от U-238, деления ядер и цепной реакции, мы рассказывали о них на страницах нашей газеты в номере за январь 2021 года.

Доклад Фриша – Пайерлса

Для ядерного взрыва необходима критическая масса – минимальное количество делящегося материала для поддержания цепной реакции. Её расчёт был чрезвычайно сложен.

В 1939 году датский физик Нильс Бор (1885–1962) открыл, что элемент

, который может быть расщеплён нейтронами с любой скоростью, является U-235. Однако поскольку он составляет всего 0,72 % природного урана, исследователь считал создание атомного оружия маловероятным, хотя и теоретически возможным. Бор указал группе учёных, собравшихся в его кабинете в Принстоне, США, что для того, чтобы отделить достаточное количество критической массы U-235 от U-238, необходимо «превратить всю страну [США] в фабрику» (Diana Preston, «Before the fallout», 2005).

Оценка критической массы, сделанная французским физиком Жаном Фредериком Жолио-Кюри (1900–1958), составляла 40 тонн – такой вес делал бы создание атомной бомбы неосуществимым. Этот расчёт оказался ошибочным. На тот момент все эксперименты проводились с маленькими количествами материала, достаточно большими по числу атомов, но с бесконечно малой массой: работали не с тоннами или граммами, а с микрограммами (Henry DeWolf Smyth, «Atomic energy for military purposes», 1945). Из-за этой ошибки в расчётах именно открытие плутония послужило толчком к разработке атомной бомбы.

В 1940 году Отто Роберт Фриш (1904–1979) и Рудольф Пайерлс (1907–1995), два физика-иммигранта, работавшие в Бирмингемском университете, рассчитали, что сфера делящегося материала размером с мяч для гольфа и весом 700 граммов достаточна для поддержания цепной реакции. Если для создания ядерного устройства требуется менее килограмма U-235, а не тонны, как ранее полагали другие учёные, производство бомбы оказывалось технически возможным. Хотя их расчёты, как выяснилось позже, отклонялись от действительного значения в десять раз, они тем не менее вызывали у британских властей страх перед возможностью появления немецкой атомной бомбы: Лондон находился недалеко от Германии и мог быть атакован немецкими самолётами, как это происходило во время «битвы за Британию» летом–осенью 1940 года.

Они подсчитали, что высвободится энергия, эквивалентная «тысячам тонн обычной взрывчатки». Пайерлс вспоминает: «Мы были озадачены результатами: атомная бомба была возможна, по крайней мере, в принципе! Поскольку оружие может быть настолько разрушительным, с военной точки зрения имело смысл построить установку для разделения изотопов. И мы сказали себе: «даже если это оборудование стоит столько же, сколько линкор, оно того стоит»» (D. Preston, op. cit.).

Два учёных написали меморандум Фриша – Пайерлса, с заголовком «О создании «супербомбы» на основе цепной реакции урана». В нём говорилось, что атомная бомба, вероятно, будет взорвана в воздухе: она не только уничтожит центр города, но также, благодаря радиации, переносимой ветром, будет иметь последствия в радиусе многих миль. Доклад Фриша – Пайерлса ускорил английскую и американскую ядерные программы.

Тяжёлая вода и плутоний

Однако необходимо было продемонстрировать возможность цепной реак-

ции. Физики поняли, что для создания ядерных реакторов, где осуществима контролируемая цепная реакция, нейтроны с помощью соответствующих материалов-замедлителей можно тормозить так же, как бильярдный шар, сталкивающийся с другими. Благодаря замедлению нейтрона до скорости, близкой к нулю, цепная реакция U-235 может быть запущена даже в природном уране, что позволяет миновать процесс обогащения.

Были найдены два «замедлителя» скорости нейтронов: тяжёлая вода и чистый углерод в виде графита. Обычная вода состоит из одного атома кислорода и двух атомов водорода, где каждый атом водорода имеет один протон и один электрон. В природе 0,015 % воды – это тяжёлая вода, состоящая из одного атома кислорода и двух атомов дейтерия, изотопа водорода с одним протоном, одним нейтроном и одним электроном, называемого «тяжёлым водородом», потому что он весит в два раза больше, чем обычный водород. Открытие было сделано в 1931 году американским химиком Гарольдом К. Уреем (1893–1981). В начале второй мировой войны единственным производителем достаточных для научных целей количеств тяжёлой воды была норвежская электроэнергетическая компания Norsk Hydro.

Замедление нейтронов не может быть использовано в атомных бомбах, где происходит неконтролируемая ядерная реакция с быстрыми нейтронами, но эта идея тем не менее стала ключевым шагом в строительстве первых ядерных реакторов, необходимых для изучения физических процессов цепной реакции, а также убедила правительства и военных в возможности производства бомбы.

В феврале 1941 года химик-ядерщик Гленн Сиборг (1912–1999) и его коллеги, используя циклотрон в Беркли (Калифорния), выделили несколько микрограммов плутония, а в конце марта подтвердили, что он является расщепляемым, а значит, потенциально может стать ингредиентом для атомной бомбы. Немцы, не имея циклотрона, тоже сумели получить плутоний, который они назвали «элементом 94», и теоретически предсказать его расщепляемость (Jeremy Bernstein, «Plutonium, a history of the world's most dangerous element», 2007).

Плутоний может быть получен из реактора с природным, т.е. необогащённым ураном, поскольку нейтроны, образующиеся в результате цепной реакции U-235, частично поглощаются U-238, который в процессе радиоактивного распада превращается в плутоний 239. Последний может быть химически отделён от U-238, поэтому возможно получение расщепляющегося элемента для создания атомной бомбы без прохождения стадии обогащения урана. Этим путём шли в случае с бомбардировкой Нагасаки, а также в ходе распространения ядерного оружия после второй мировой: например, в 1974 году Индия создала атомную бомбу с плутонием, полученным из ядерного реактора на природном уране и тяжёлой воде CIRUS (Canada India Reactor Utility Services), который был поставлен Канадой в 1954-м. В этом есть некоторая ирония, поскольку тяжёлая вода от-

правлялась в Индию под эгидой американской программы «Атомы для мира», запущенной в 1953 году президентом Эйзенхауэром с целью предотвращения распространения ядерного оружия.

В 1941 году немецкий физик Карл Фридрих фон Вайцзеккер (1912–2007) написал в патентной заявке: «Элемент 94 легко отделяется от урана». Как утверждает физик Джереми Бернштейн в своей книге об истории плутония, в этом документе содержались серьёзные ошибки, что, однако, было вторично в контексте гонки за атомной бомбой: именно он направил усилия немецких физиков на строительство ядерного реактора с использованием природного урана и тяжёлой воды в качестве предварительного шага для получения плутония. Поскольку англо-американские союзники знали о намерении Германии заполучить норвежскую тяжёлую воду, страх перед возможностью появления немецкой бомбы ещё больше ускорил их ядерные программы.

США и Германия в погоне за бомбой

В сентябре 1942 года американские военные через генерала Лесли Гровса взяли на себя руководство ядерной программой (Манхэттенский проект). Первый в мире ядерный реактор был создан Энрико Ферми (1901–1954) в Чикаго в декабре 1942 года, в нём использовался природный уран и графит в качестве замедлителя. Он продемонстрировал возможность цепной реакции и производства плутония. Немецкие физики достигли лишь ограниченных результатов, им так и не удалось создать функционирующий ядерный реактор.

Американская погоня за созданием первых плутониевых и урановых бомб и немецкая погоня за тяжёлой водой – две фундаментальные страницы в истории «войны физиков».

Январь 2020 г.

1 – Тайная история атомной бомбы / Джим Бэгготт. – М.: Эксмо, 2011. – 640 с.

Федерико Дальвит

Европа в глобальных коллизиях

592 стр., твердый переплёт,
примечания, биографический
справочник, библиография, хронология,
указатель периодических
изданий и СМИ, карты.
ISBN 978-5-9905528-9-0

Цена 400 руб.

Сети учёных у истоков атомной бомбы

«Одной из особенностей современной науки и техники является необычайное взаимное наложение вкладов различных групп, работающих над одной и той же проблемой в разных странах» (Бертран Гольдшмидт, французский представитель в совете управляющих МАГАТЭ, Международного агентства по атомной энергии, с 1958 по 1980 год).

Естественная радиоактивность

Пусть первые атомные бомбы были созданы Соединёнными Штатами, они стали результатом коллективной работы учёных из всех крупных промышленных стран того периода. Начало этому пути было положено открытием радиоактивности французом Антуаном Анри Беккерелем (1852–1908) и экспериментальной работой его соотечественника Пьера Кюри (1859–1906) совместно с Марией Кюри (1867–1934), его женой польского происхождения, получившей французское гражданство.

Радиоактивность, или радиоактивный распад, – это совокупность ядерно-физических процессов, в результате которых одни нестабильные атомные ядра превращаются (распадаются) в другие в течение определённого периода времени, испуская при этом частицы и энергию. Термином “радиоактивность” мы обязаны открытию радия супругами Кюри.

В 1901 году уроженец Новой Зеландии англичанин Эрнест Резерфорд (1871–1937) вместе со своим ассистентом Фредериком Содди (1877–1956) обнаружили, что торий, имеющий атомный номер 90, самопроизвольно распадается. Содди сообщил Резерфорду: «Торий распадается и превращается в газ, аргон» (Diana Preston, “Before the fallout, from Marie Curie to Hiroshima”, 2005). Аргон имеет атомный номер 18. Открытие было обескураживающим: оказалось, что химические элементы не являются неизменными и неразрушимыми, как считалось до сих пор, они могли самопроизвольно превращаться в другие элементы. Самопроизвольный распад радиоактивных элементов был одним из величайших открытий в физике начала XX века.

Резерфорд заметил Содди, что люди узнают не по тону голоса, а по словам, которые они используют: исторически слово “превращение” ассоциировалось с алхимией. Чтобы не вызывать ассоциаций со средневековыми алхимиками и тем самым не создавать априорного предубеждения против своей работы, Резерфорд посоветовал вместо этого использовать слово “трансформация”. Они проводили испытания снова и снова, но результаты оставались одинаковыми: радиоактивные элементы самопроизвольно распадались и, испуская альфа-частицы (ядра гелия) и бета-частицы (электроны), образовывали другие элементы с более низким атомным номером, прежде чем становились стабильными. В 1903 году Резерфорд также выявил гамма-лучи (электромагнитные волны).

В последнем абзаце опубликованной в 1903 году статьи Резерфорда и Содди отмечалось: «Следовательно, энергия радиоактивного превращения

по крайней мере в двадцать тысяч, а может быть, и в миллион раз превышает энергию любого молекулярного превращения». Неформально Резерфорд мог бы добавить, что если найти подходящий детонатор, то вполне мыслим физический распад материи такой силы, что мир исчезнет. По остроумному выражению Резерфорда, «какой-нибудь дурак, работая в лаборатории, может ненароком взорвать Вселенную» (Ричард Родс, “Создание атомной бомбы”, КоЛибри, 2020).

В те годы для Резерфорда это было лишь шуткой, он не считал такое возможным. Учёный умер в 1937 году, не увидев, как его живое воображение получило воплощение в великой военной трагедии, бомбардировке Хиросимы и Нагасаки.

Искусственная радиоактивность

Решающим моментом в истории ядерной энергетики стало открытие искусственной радиоактивности, которое осуществили Ирен и Фредерик Жолио-Кюри в 1934 году.

В 1925 году Жан Фредерик Жолио (1900–1958) стал сотрудником Института радия в Париже в качестве ассистента Марии Кюри; в 1926 году он женился на её дочери Ирен (1897–1956), и пара изменила свою фамилию на Жолио-Кюри. Воодушевлённый Марией Кюри, он вместе со своей женой начал изучать структуру атома.

В 1934 году Фредерик бомбардировал алюминий альфа-частицами, используя счетчик Гейгера для измерения результатов. К его удивлению, после того как источник альфа-частиц, полоний, был удалён, счётчик продолжал тикать. Жолио-Кюри задался вопросом о причинах произошедшего: до этого момента все реакции, которые учёные производили с помощью бомбардировки химических элементов, прекращались сразу же после удаления радиоактивного источника. Однако теперь алюминий с атомным номером 13, подвергнутый бомбардировке альфа-частицами, превратился в радиоактивный изотоп фосфора с атомным номером 15, который, распадаясь до стабильного состояния кремния с атомным номером 14, продолжал излучать радиоактивность в течение некоторого времени даже после удаления первичного источника альфа-частиц. Таким образом была вызвана искусственная радиоактивность. Суть открытия супругов Жолио-Кюри заключалась в том, что радиоактивные элементы можно создавать.

Новые алхимики не нашли философский камень, который искали алхимики Средневековья, чтобы с помощью него превращать неблагородные металлы в золото. Они достигли гораздо большего: показали, что человек, обладающий силой теоретической и экспериментальной науки, может воздействовать на природные элементы и высвободить энергию их радиоактивного распада.

В следующем году Жолио-Кюри были удостоены Нобелевской премии за открытие искусственной радиоактивности. В своей речи по случаю награждения Фредерик сказал: «Учёные, способные строить и разрушать элементы могут вызывать

ядерные трансформации взрывчатого характера».

Мало кто обратил внимание на эти слова: Резерфорд считал химерой извлечение атомной энергии из ядра, а Нильс Бор (1885–1962) полагал, что это возможно в теории, но не на практике; с его точки зрения, «такие объёмы энергии в настоящее время не просто находятся за пределами наших экспериментальных возможностей, [...] чем больше мы узнаём об атомных реакциях, тем более отдалённой кажется цель извлечения энергии для практических целей». Альберт Эйнштейн (1879–1955) также исключил такую возможность. Ядерная физика до этого момента оставалась кустарным предметом изучения, служащим для удовлетворения любопытства учёных (Diana Preston, op. cit.).

История науки и её индустриализации имеет трагическую сторону: перед второй мировой войной в намерения физиков-ядерщиков не входило создание самого разрушительного оружия в истории человечества – атомной бомбы. Когда это произошло, некоторые из них погрузились в глубокий моральный кризис.

Нейтроны и тяжёлая вода

Два других открытия также дали толчок процессу, который привёл человечество к использованию ядерной энергии как в военных, так и в гражданских целях.

В 1932 году открытие нейтрона Джеймсом Чедвиком (1891–1974), сотрудником Резерфорда в Кавендишской лаборатории, стало переломным моментом: нейтрон, не имеющий электрического заряда, не мог быть отклонён положительным ядерным зарядом. Из них получался идеальный инструмент для бомбардировки и экспериментов над элементами, поскольку нейтроны можно было запускать прямо в ядро атома.

В январе 1932 года американский химик Гарольд Клейтон Юри (1893–1981) сделал ещё одно открытие, предсказанное Резерфордом. Работая в Колумбийском университете, Юри обнаружил, что природный водород состоит из 99,985 % обычного водорода и 0,015 % тяжёлого водорода, изотопа под названием дейтерий, который также присутствует в воде – так называемой “тяжёлой воде”, которая выглядит так же, как и обычная. Десятилетие спустя это вещество активно стремились заполучить нацисты. Дейтерий также является базовым химическим элементом водородной бомбы, H-бомбы.

Юри считал, что тяжёлая вода может быть использована для углубления понимания жизненных процессов и изучения рака, но на практике надежды не оправдались. Однако в США нашли способ использовать вещество в зрелищных целях: в фильме 1935 года “Дело об убийстве в казино” преступник убеждал своих жертв войти в бассейн с тяжёлой водой, где они и умирали.

От Ферми до Лизы Мейтнер

«Но даже и тогда, когда я занимаюсь научной и т. п. деятельностью [...], –

даже и тогда я занят общественной деятельностью, потому что я действую как человек. Мне не только дан, в качестве общественного продукта, материал для моей деятельности – даже и сам язык, на котором работает мыслитель, – но и моё собственное бытие есть общественная деятельность; а потому и то, что я делаю из моей особы, я делаю из себя для общества, сознавая себя как общественное существо»¹, – пишет Карл Маркс в “Экономическо-философских рукописях”. Чтобы написать историю науки, нужно реконструировать плотную сеть, связывающую всех учёных друг с другом.

Из римского Института физики за открытием Жолио-Кюри искусственной радиоактивности следил Энрико Ферми (1901–1954). Он поставил вопрос: что произойдёт, если бомбардировать элементы нейтронами вместо альфа-частиц? Исследователь придерживался мнения, что нейтроны могут быть эффективнее протонов для создания искусственной радиоактивности, поскольку они не имеют заряда и легче проникают в ядро. Учёный начал систематически облучать нейтронами каждый элемент периодической таблицы, и в мае 1934 года дошёл до последнего элемента с атомным номером 92 – урана. Ферми полагал, что элемент, полученный им с помощью нейтронной бомбардировки, превосходит последний по массе. На самом же деле он неосознанно осуществил ядерное деление – расщепление атома урана.

В 1935 году в Берлине Лиза Мейтнер (1878–1968), Отто Ган (1879–1968) и Фридрих Вильгельм “Фриц” Штрассман (1902–1980), используя метод Ферми, преобразовали элементы под воздействием нейтронной бомбардировки. Они классифицировали новые радиоактивные элементы как трансураниевые, то есть с атомными номерами выше 92-х.

Скептически относясь к результатам экспериментов Гана, в Париже Ирен Жолио-Кюри сосредоточилась на уране. Различными путями она в 1938 году продемонстрировала, что химические свойства полученного радиоактивного элемента были похожи на свойства уже известного элемента, лантана, располагавшегося в середине таблицы под 57-м номером. Хотя и будучи убеждёнными в том, что Ирен ошибается, Ган и Штрассман, скрупулёзные учёные, чувствовали себя обязанными проверить французской коллеги.

Посредством новых экспериментов они получили из урана барий с атомным номером 56 и не могли поверить результатам. Объяснение пришло от Лизы Мейтнер, которая тем временем бежала в Стокгольм как австрийка еврейского происхождения. Учёная поняла, что атом урана расщепился на два элемента с меньшим атомным номером; это произошло в рождество 1938 года. Осмысление нового открытия открыло гонку за атомной бомбой.

Ноябрь 2020 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 42. С. 118.

Предвкусение атомного оружия и электростанций во Франции

«Макрон подталкивает ЕС: французское ядерное оружие для европейской обороны», – писала *La Stampa* от 8 февраля 2020 года. Французский президент считает, что «мы не можем оставаться вне гонки вооружений».

Международная наука

«Чем дальше идёт уничтожение первоначальной замкнутости отдельных национальностей благодаря усовершенствованному способу производства, общению и в силу этого стихийно развившемуся разделению труда между различными нациями, тем во всё большей степени история становится всемирной историей»¹.

История создания атомной бомбы – это всемирная история, в которой принимали участие учёные из всех крупных промышленных стран. Часто оставаясь в тени США и СССР, Франция тем не менее стала четвёртой страной в мире, обладающей атомной бомбой: первое испытание было проведено в 1960 году. Достижения французской ядерной физики до второй мировой войны имели решающее значение для глобального развития в этой сфере (Atomic Heritage Foundation, “French Nuclear Program”, 2017).

В годы, предшествовавшие первой мировой войне, Франция перестала удерживать лидирующие позиции в мире физики, отстав от Великобритании и Германии. Ядерная физика была одним из факторов, который помог оживить французскую физику в конце 1930-х годов и вновь утвердить Париж, где находилась лаборатория Жолио-Кюри, в качестве одного из центров мировой физики (Kragh H., “Quantum generations”, 1999).

К рождению 1938 года Лиза Мейтнер поняла, что благодаря экспериментам Энрико Ферми в Италии, а также Отто Гана и Фридриха Штрассмана в Берлине удалось расщепить атом. Наука предписывает, что эксперимент, для того чтобы считаться достоверным, должен быть воспроизведён: в январе 1939 года физические доказательства деления ядра урана были представлены Отто Фришем в Копенгагене, Фредериком Жолио-Кюри в Париже и другими учёными в США и Англии.

В феврале 1939 года в Коллеж-де-Франс Жолио-Кюри и два его помощника Ганс фон Хальбан и Лев Коварский открыли новое явление фундаментальной значимости: деление ядра урана сопровождается испусканием нейтронов, именуемых вторичными. После этого открытия Жолио-Кюри первым поставил вопрос: если при делении высвобождается более одного нейтрона, достаточно ли будет этих нейтронов для повторения процесса в рамках самоподдерживающейся цепной реакции? (Kragh H. Op. cit.).

Вторичные нейтроны

Мы можем ответить на этот вопрос положительно. Когда ядро урана расщепляется и испускает, например, два вторичных нейтрона, они могут быть поглощены двумя другими атомами урана; их расщепление высвободит четыре нейтрона, которые расщепят ещё четыре ядра и тем самым вызовут испускание восьми нейтронов, и так далее в геометрической прогрессии, ведущей к ядерному взрыву.

В ядерных реакциях производство вторичных нейтронов характеризуется коэффициентом размножения k – это число, аналогичное коэффициенту распространения Covid-19. Если коэф-

фициент распространения больше одного, каждый инфицированный передаёт инфекцию большему количеству людей, и пандемия ускоряется; если меньше одного, пандемия замедляется. В ядерных реакциях, если k больше одного, это означает, что число делений увеличивается со временем и система является надкритической, если k равно одному, система является критической и число делений с течением времени остаётся постоянным, если k меньше одного, система характеризуется как подкритическая, и реакция затухает. В рамках борьбы с пандемией с помощью масок и социального дистанцирования коэффциент распространения пытаются снизить до уровня ниже единицы. При ядерных реакциях в реакторе, вырабатывающем электроэнергию, пытаются сохранить значение k , равное одному, в бомбе – поднять его как можно выше единицы в кратчайшее время, порядка миллионных долей секунды (Garwin R. L., Charpak G., “Megawatts + Megatons”, 2002).

Пытаясь найти технологическое применение для ядерного деления в природном уране, французские физики вспомнили об экспериментах, проведённых Ферми в 1934 году в его лаборатории на улице Панисперна в Риме. Сам того не подозревая – он думал, что открыл трансурановые элементы, – Ферми добился ядерного деления в природном уране, где U-235 составляет всего 0,7%, а остальная доля принадлежит нерасщепляющемуся U-238, путём пропускания нейтронов через соединение, богатое водородом, то есть, по сути, протонами. В таком соединении (парафин, вода и другие вещества) пучок быстрых нейтронов быстро тормозится при столкновении с протонами, как это происходит при столкновении бильярдных шаров. Поскольку вероятность поглощения нейтрона в ядре U-235, из которого происходит деление, зависит от того, как долго нейтрон остаётся в пределах эффективного сечения ядра (сечения захвата), то чем медленнее нейтрон, тем больше вероятность деления.

При делении 0,7% U-235 в природном уране нейтроны поглощаются ядром атома. Здесь на помощь приходят квантовая физика и теория вероятности. В ядерном оружии не используется природный уран: бомба на 80–85% состоит из U-235, поэтому нет необходимости замедлять нейтроны, быстрые вторичные нейтроны с энергией 2 МэВ (мегаэлектронвольт, равных одному миллиону электронвольт) действуют напрямую. В ядерном реакторе на природном уране, где U235 составляет всего 0,7%, нейтрон замедляется от начальной энергии в 2 МэВ до 0,025 эВ (Garwin R. L., Charpak G. Op. cit.).

Поиск замедлителя

Французские физики подсчитали, что число вторичных нейтронов, высвобождаемых при расщеплении, составляет 3,5; более поздняя оценка была снижена до 2,4. К концу февраля 1939 года уже не было никаких сомнений в реальности ядерного деления: атомная энергия перестала быть недостижимой, и с этого момента началась вторая фаза – поиск возможности запуска самовоспроизводящейся цепной реакции.

Чтобы замедлить нейтроны и провести ядерную реакцию в природном уране, используется “замедлитель”. Жолио-Кюри, фон Хальбан и Коварский сначала предполагали использовать

обычную воду, в которой водород состоит только из протонов. Обычную воду использовал и Ферми для экспериментов с аквариумом с золотыми рыбками во дворе своей лаборатории в Риме. Позже они обратились к тяжёлой воде, поскольку в ней тяжёлый водород (дейтерий), состоящий из протона и нейтрона, обладает большей способностью замедлять нейтроны и тем самым увеличивает вероятность деления. Это объяснение, хотя оно и является упрощённым и не исчерпывающим, необходимо, потому что иначе не понять важность тяжёлой воды и войны, которая велась в Норвегии за контроль над её производством. Благодаря этим открытиям уран и тяжёлая вода, которые до сих пор использовались только в научных целях, стали, по сути, орудиями войны.

Любая технология или научное открытие имеет как гражданское, так и военное применение: не существует такого понятия, как “мирная” технология, всё зависит от формы её использования теми, кто её контролирует. Например, сегодня в армии США в наличии имеется система *Rucksack Enhanced Portable Power System* весом 4,5 кг, которую можно носить в солдатском рюкзаке: она состоит из тонкой рулонной плёнки 62-ваттных солнечных батарей. В сочетании с литиевыми батареями и топливными элементами устройство может заряжать военные аккумуляторы за 5–6 часов. Это можно назвать системой “чистой энергии”, предназначенной для использования на поле боя – обеспечения работы компьютеров, радиостанций или спутниковой связи (The Pew Charitable Trusts, “From Barracks to the Battlefield”, 2011).

Летом 1939 года Франсис Перрен, профессор Сорбонны с 1935 года, по просьбе Жолио-Кюри рассчитал критическую массу самоподдерживающейся цепной реакции и получил, что необходимо 40 тонн урана. С железным или свинцовым покрытием для отражения нейтронов масса, по его расчётам, могла быть уменьшена до 12 тонн, но этот вес всё равно был слишком большим для бомбы, которую в те дни мог нести самолёт.

В конце апреля 1939 года в связи с трудностями создания пригодной для использования атомной бомбы команда Жолио-Кюри отказалась от соответствующих расчётов и начала размышлять о ядерном реакторе для установки на подводных лодках: если бы его удалось создать, возникла бы возможность беспрерывно находиться в воде в течение нескольких месяцев, поскольку для движения больше не требовался бы кислород. Неатомные подводные лодки имеют гибридную силовую установку – электродвигатель в сочетании с двигателем внутреннего сгорания. Ночью подводная лодка, находясь на поверхности, работает на дизельном двигателе, который не только двигает субмарину, но и заряжает электрические батареи; днём в погружённом состоянии она использует электрическую тягу за счёт энергии, накопленной в батареях. Поскольку атомная подводная лодка, в отличие от дизельной, не нуждается в кислороде из атмосферы, двигательные винты можно обеспечивать электроэнергией в течение нескольких месяцев.

Патенты

В капиталистическом обществе производительные силы несут обще-

ственный характер, но собственность на них является частной: кому, следовательно, будут принадлежать открытия, касающиеся использования урана в качестве взрывчатого вещества и тяжёлой воды в качестве замедлителя в ядерном реакторе?

Жолио-Кюри, продолжая традицию Марии и Пьера Кюри, выступал против патентов, поскольку считал науку достоянием человечества, а не частной собственностью. Однако возникла проблема: если его открытия и открытия его коллег не будут патентованы, другие страны станут использовать их бесплатно. Маркс напоминает нам: «во всё большей степени история становится всемирной историей». При капитализме же она предстаёт в виде истории всемирной конкуренции между державами.

Чтобы заставить французских физиков согласиться с регистрацией патентов на свои открытия вопреки моральным принципам этих учёных, было найдено такое решение: патенты будут принадлежать государственной организации Национальная касса научных исследований (CNRS), созданной в 1935 году и преобразованной в 1939 году в Национальный центр научных исследований. Прибыль будет поступать в CNRS и использоваться для стимулирования развития науки, исходя из установленных комиссией руководящих принципов. Таким образом, часть средств получила команда Жолио-Кюри (Dahl F., “Heavy Water and the Warime Race for Nuclear Energy”, 1999).

Французские физики при поддержке своего правительства предвосхитили и запатентовали разработку ядерного оружия и электростанций. В последующие месяцы и годы, чтобы реализовать патенты на практике и обеспечить поставки урана и тяжёлой воды, они были вовлечены в авантюру, которую никогда не смог бы изобразить ни один роман, каким бы фантастическим он ни был.

Февраль 2021 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 3. С. 45.

Аригго Черветто
МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР
1990-1995

2006, 352 страницы, суперобложка, 21 карта по тексту, примечания, биографический справочник, библиография, хронология 1990-1995, алфавитный указатель.
ISBN: 2-912639-21-2

Цена 300 руб.